

ДЭВИД МОРРЕЛЛ
ВЛАСТЕЛИН
НОЧИ

Совершенно потрясающая серия.

Дин Кунц

The Big Book

Дэвид Моррелл
Властелин ночи

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Моррелл Д.

Властелин ночи / Д. Моррелл — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-13476-8

Писатель Томас Де Квинси, знаменитый Любитель Опиума, вместе с дочерью Эмили отправляется в Озерный край, чтобы спасти свою библиотеку, выставленную на аукцион. В поезде они становятся свидетелями убийства – первого в истории железнодорожного транспорта – и возвращаются в Лондон, чтобы помочь своим друзьям, полицейским Райану и Беккеру. Однако премьер-министр Великобритании лорд Палмерстон по непонятным причинам препятствует расследованию этого и других преступлений, парализовавших всю транспортную систему страны и вызвавших панику на бирже.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-13476-8

© Моррелл Д., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Введение	7
Глава 1	9
Глава 2	27
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дэвид Моррелл Властелин ночи

David Morrell

RULER OF THE NIGHT

Copyright © Morrell Enterprises, Inc. 2016

All rights reserved

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA

© М. Акимова, перевод, 2017

© С. Удалин, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Дэвид Моррелл написал двадцать девять популярных романов, в их числе супербестселлер «Первая кровь» о Рэмбо. Писатель награжден литературными премиями «Ниро» и «Макавити», а также престижной премией «Триллермастер» за выдающиеся заслуги перед жанром. Герой его новой серии – одна из самых интересных личностей в английской истории. Томас Де Квинси ввел термин «подсознание», на полвека опередив Фрейда. Его печально известная «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», – первое художественное произведение на тему наркомании. Он вдохновил Эдгара По, который в свою очередь вдохновил сэра Артура Конан Дойла на создание образа Шерлока Холмса.

Изобретателем современного детектива считается Эдгар Аллан По, но сейчас Дэвид Моррелл радикально обновил этот жанр... Настоящий маэстро, только с клавиатурой вместо дирижерской палочки.

Providence Journal

Звездный стиль и сюжет... Реальные исторические персонажи перемешаны с вымышленными героями; элементы триллера и жутки, и гротескны. Моррелл проделал безупречную исследовательскую работу... Читателю покажется, что он перенесся в викторианский Лондон, со всеми его видами, звуками и запахами.

Associated Press

Совершенно потрясающая серия.

Дин Кунц

*Еще раз Гревелу Линдону и Роберту Моррисону,
моим проводникам в мире Томаса Де Квинси,
а также историку Джудит Фландерс,
сопровождавшей меня в прогулках по темным улицам
Викторианской эпохи*

*Всякую ночь, казалось, сходил я... в подземелья и темные бездны,
лежащие глубже известных нам бездн, и сходил, едва ли надеясь
вернуться.*

Томас Де Квинси.

Исповедь англичанина, употребляющего опиум

Любитель Опиума, вы и есть настоящий властелин ночи.
Ральф Уолдо Эмерсон – Томасу Де Квинси

Введение

Новая разновидность смерти

Трудно представить себе, каких размеров достигла Британская империя в XIX веке. Карты той эпохи обозначали ее владения красным цветом: Канада, Багамы, Бермуды, Гибралтар, Кипр, широкая полоса Африки, Бирма, Малайя, Сингапур, Гонконг, Австралия, Новая Зеландия и так далее. Говорили, что над Британией никогда не заходит солнце. Хозяйка четвертой части суши, она управляла третью населения земного шара – ни Александр Македонский, ни древние римляне и мечтать не могли о таком могуществе.

Сама Британия – страна, владевшая этими необъятными землями, – была сравнительно невелика. На первый взгляд это может показаться странным, но скромные размеры давали ей преимущество перед более крупными территориями, такими как Европа и Соединенные Штаты. Новые идеи быстро распространялись по ее ограниченному пространству, создавая крепкое ядро охватывающей весь мир империи, сила которой заметно возросла после изобретения новых чудес света.

Расстояние между гаванями Ливерпуля и фабриками Манчестера составляет тридцать пять миль, или пятьдесят с лишним километров. Сейчас его можно преодолеть за полчаса. Но в начале XIX века сырье и готовые изделия перевозили только в фургонах и на баржах. Оба способа требовали сил и отнимали много времени, поездка по разбитым дорогам или узким каналам при самых благоприятных условиях занимала целые сутки, а в суровые зимы могла задержаться и на несколько недель.

Но в 1830-х годах было создано нечто поразительное – Ливерпуль и Манчестер соединила между собой железная дорога, первая в своем роде. Она стоила так дорого и была настолько непривычной, что многие финансисты посчитали эту идею безумием, однако новшество оказалось успешным, и уже спустя месяц после открытия первой железной дороги было решено построить вторую – от Манчестера до Лондона. Десятью годами позже Англию уже перечертили три с лишним тысячи километров железнодорожных путей. А к 1855 году общая длина железных дорог, соединяющих все уголки страны, составила почти десять тысяч километров.

Перевозить сырье, готовую продукцию и уголь теперь можно было так быстро и выгодно, что фабрики росли, как грибы после дождя, и в течение нескольких стремительных десятилетий Англия стала первой страной, в полной мере воспользовавшейся преимуществами промышленной революции, и достигла беспрецедентного мирового господства.

Томаса Де Квинси, одного из самых блистательных и скандально известных литераторов XIX века, печалили эти перемены. «В слепом стремлении угнаться за поездами люди скоро начнут бегать по улицам рысью, – писал Любитель Опиума, – а следующее поколение перейдет на галоп». В своем ностальгическом эссе «Английская почтовая карета» он воздавал хвалу конным экипажам, в которых путешествовал в юности. Верные десять миль в час он полагал достаточной скоростью. При этом он ощущал единство с местностью, по которой проезжал, и испытывал привязанность к лошадям, что влекли его вперед. Теперь же, когда поезда достигали немыслимой скорости в пятьдесят миль в час, ему казалось, что «железные трубы и котлы опустошают человеческие сердца». Он вспоминал, какое волнение вызывал на почтовой станции звук рожка, возвещающий о приближении кареты, с каким благоговением прислушивались люди к топоту копыт. «Все взгляды с одинаковым любопытством притягивались к одной точке. А толпа на железнодорожном вокзале объединена ничуть не в большей мере, чем текущая вода, и ее внимание разбивается на столько частей, сколько вагонов в поезде».

Де Квинси, всегда проявлявший интерес к случаям насильственной смерти, не преминул отметить, что в день торжественного открытия железной дороги из Ливерпуля в Манчестер произошел несчастный случай. Когда поезд остановился на полдороге, чтобы долить воды в котел, один политик по фамилии Хаскиссон покинул свое купе. Он хотел извиниться за недавнюю словесную перепалку перед тогдашним премьер-министром герцогом Веллингтоном, который после победы в битве при Ватерлоо стал одним из наиболее почитаемых людей в стране. Хаскиссон двинулся вдоль путей, подошел к купе премьер-министра и обменялся с ним рукопожатием, но так увлекся разговором, что лишь в последний момент заметил встречный паровоз, быстро приближавшийся к нему по параллельному пути.

Поезд премьер-министра тоже тронулся с места. Хаскиссон побежал за ним. Он ухватился за дверцу купе, но та распахнулась в сторону приближавшегося паровоза. Хаскиссон повис на ней, но не удержался и упал под колеса встречного поезда.

Весть об ужасной смерти Хаскиссона разлетелась по стране, в один момент превратив его в знаменитость. Благодаря ей люди во всей Англии и по всему миру узнали о потрясающем изобретении и новом виде транспорта, который они прежде не могли даже вообразить.

Но железная дорога принесла с собой также новую разновидность смерти, и, как заключил Де Квинси – эксперт в изящном искусстве убийства, то была лишь первая жертва.

Глава 1

Запертое купе

Лондон

В четверг вечером, 22 марта 1855 года, хмурый джентльмен внимательно изучал документ на двух листах, что лежали на его массивном столе. Джентльмена звали Дэниел Харкурт. Пятидесятилетний поверенный имел тучное телосложение – следствие сидячей работы. Он был одет в серый сюртук и жилет превосходного покроя. Золотая цепочка его часов свидетельствовала о том, что адвокат успешен в своих делах. Горячие угли в камине пытались разогнать промозглый холод, оставшийся после недавнего дождя, но сейчас в них не было особой необходимости. Харкурта подогревало изнутри пламя триумфа.

– Вы совершенно уверены в этих сведениях? – спросил он, поднимая голову от документа. – Дом в Блумсбери? И все остальное?

Стоявший по другую сторону стола мужчина был одет в дешевое потертое пальто. Морщины на его грубом лице говорили о том, что специфика работы требовала от него часто бывать на открытом воздухе.

– Я все сделал сам, мистер Харкурт. Если бы вы, как я, десять лет патрулировали эти улицы, то знали бы, у кого нужно спрашивать. Разносчики газет, уличные метельщики, мойщики со стоянки кебов – такие ребята ничего не пропускают и могут доказать мои сведения всего лишь за шестипенсовик. Лицо этого человека нарисовал лучший уличный художник в Блумсбери. Все, что я вам сказал, – истинная правда.

Харкурт вытащил из ящика стола листок бумаги и подтолкнул его к посетителю. Затем обмакнул перо в чернила и также протянул ему.

– Напишите свое имя.

– Но вы же знаете мое имя. Я Джон Солтрем.

– Все равно напишите.

– Думаете, я не умею? – глухо возмутился Солтрем. – Думаете, в столичной полиции будут держать констебля, не умеющего писать?

Харкурт положил рядом с листом золотой соверен.

– Сделайте одолжение. Напишите свое имя.

Солтрем долго смотрел на монету и наконец исполнил просьбу, скрипя металлическим пером.

– Вот, пожалуйста, – заявил он, возвращая листок и перо.

– На той бумаге, что вы мне принесли, другой почерк, – заметил Харкурт.

– Я сказал, что умею писать. Но не сказал, что умею писать аккуратно. Это моя благоверная настрочила, под мою диктовку. Я не мог доверить такое дело кому-то другому.

– Откуда мне знать, что вы не сделали копию? Откуда мне знать, что вы не попытаетесь продать эти сведения человеку, за которым следили?

– Это было бы не очень разумно с моей стороны, вам так не кажется, мистер Харкурт? Мне нужна постоянная работа и не нужны неприятности от такого человека, как вы.

Поверенный задумался на мгновение, а затем выложил на стол еще пять соверенов. Это равнялось пятинедельному жалованью констебля.

– Вот плата, о которой мы договаривались, – сказал он. – И еще один соверен сверху.

– Благодарю, мистер Харкурт. Покорнейше благодарю. – Солтрем засунул монеты в карман брюк. – Если я могу еще что-то для вас сделать...

– У меня всегда найдется поручение для человека, умеющего держать язык за зубами. На самом деле ваши услуги понадобятся мне очень скоро. Но сейчас уже поздно, и я уверен, что вам не терпится вернуться к своей жене.

– Да, мистер Харкурт. Хорошо, мистер Харкурт.

Уходя, Солтрем провел рукой по губам, и по этому жесту можно было предположить, что он скорее отправится в таверну, чем к себе домой.

Харкурт посмотрел вслед удаляющейся по коридору фигуре и прикрыл дверь в кабинет. Он подождал, пока затихнут шаги спускающегося по лестнице Солтрема, и только потом дал волю пламени триумфа, подталкивавшему его к действию.

Поверенный решительно вытащил золотые часы из жилетного кармана. Двадцать семь минут девятого. Он редко задерживался на работе так поздно, но выбирать не приходилось – встретиться с Солтремом можно было лишь тогда, когда здание опустеет, чтобы никто не заметил посетителя.

Харкурт спешно выбросил в мусорную корзину листок с именем. Затем торопливо надел пальто, перчатки и цилиндр. Положил двухстраничный документ в кожаную папку для бумаг, прихватил зонтик, погасил лампу и вышел в коридор. Он быстро спустился по лестнице, туша одну за другой лампы, освещавшие холл.

Контора поверенного располагалась на Ломбард-стрит, нынешним вечером затянутой холодным туманом. Это была одна из самых коротких улиц в деловом квартале Лондона – квадратной миле, почтительно именуемой Сити, непременно с заглавной буквы «С». Несмотря на скромные размеры Ломбард-стрит, близость к величественному Английскому банку и Королевской бирже ставила ее в один ряд с самыми престижными улицами в мире.

Широкими шагами Харкурт двинулся по мокрому тротуару к стоянке кебов. Днем здесь скапливалось до двадцати экипажей – больше, чем разрешено законом, но теперь, когда все конторы уже закрылись, и пара кебов была большой удачей.

Быстро забравшись внутрь одного из них, Харкурт крикнул вознице в высокой шляпе, устроившемуся на задке экипажа:

- Юстонский вокзал! Мне нужно успеть к девятичасовому поезду!
- Времени в обрез, почтеннейший.
- Плачу втрое больше обычного.

Обрадованный кебмен щелкнул кнутом, и двухместный экипаж резво помчался вперед. Стук копыт отражался от стен опустевших зданий. Возница то и дело петлял в неожиданной толчее направлявшихся на север от моста Блэкфрайрз экипажей. Щелкнув кнутом еще сильнее, он погнал лошадь по Холборн-хилл, а затем повернул направо на Грейс-Инн-роуд.

Кеб проехал мимо погруженного в туман уличного фонаря, и Харкурт, то и дело поглаживающий папку с бумагами, взглянул на часы – оставалось всего десять минут.

Поверенный постарался успокоить дыхание. Он всегда нервничал перед поездкой по железной дороге, с грустью вспоминая эпоху почтовых карет, когда скорость доставляла удовольствие, а не пугала.

- Скоро приедем, почтеннейший, – крикнул кебмен, поворачивая влево на Нью-роуд.
- Уже почти девять часов!
- Не волнуйтесь, почтеннейший. Просто приготовьте монеты.

Впереди показалась Юстон-сквер. Харкурт в нетерпении схватил папку с бумагами и зонтик, пока кеб проезжал под огромной римской аркой перед вокзалом. Спрыгнув на тротуар, он бросил монеты вознице и помчался к Большому залу. Не удостоив взглядом колонны, статуи и величественную лестницу, адвокат подбежал к окну единственной еще не закрывшейся билетной кассы.

- На девятичасовой поезд до Седвик-Хилла, – сказал он, протягивая кассиру крону.

Тот не стал спрашивать, желает ли пассажир ехать первым классом; золотая цепочка от часов говорила сама за себя.

– Вам лучше поторопиться, сэр.

Харкурт выхватил у него билет и устремился к поезду.

– Вы забыли сдачу, сэр!

Не обращая внимания на крик за спиной, Харкурт выскочил через ворота на перрон. Классическую архитектуру Большого зала сменил уродливый потолок из стекла и стали, покрытый копотью от бесчисленных паровозов.

Харкурт показал контролеру билет и поспешил вдоль состава к нетерпеливо шипевшему паровозу. Он миновал вагоны третьего класса, в которых пассажиры могли ехать лишь стоя. Затем второго класса, с жесткими сиденьями. Общественный статус заставлял богатых пассажиров ездить в голове поезда, несмотря на шум и снопы искр, извергаемые паровым двигателем.

Наконец запыхавшийся Харкурт добрался до двух вагонов первого класса. Каждый из них делился на несколько купе с отдельным входом.

Он заглянул в первую открытую дверь, но купе уже оказалось занято. Ему не нравилось находиться в ограниченном пространстве с незнакомыми людьми. Правила приличия требовали обмениваться с ними несколькими учтивыми фразами, но потом наступало неловкое молчание. Днем он мог бы уклониться от разговора, читая газету, купленную в книжном киоске У. Г. Смита на вокзале, но сейчас единственная лампа давала недостаточно света для чтения, так что ему пришлось бы ехать всю дорогу, уставившись в темноту за окном.

К тому же пассажиры, которых Харкурт разглядел в открытую дверь, были, мягко говоря, странными. Костюм одного из них, низкорослого пожилого человека, больше подходил для скромных похорон. Даже в тусклом свете лампы было заметно, что мужчина взволнован. Сидя он продолжал поочередно поднимать и опускать ноги, будто топтался на месте. Незнамец также судорожно сжимал и разжимал кулаки, а его лицо покрывали бисеринки пота.

Его молодая спутница, сидевшая напротив, тоже выглядела достаточно странно. Она взглянула на поверженного голубыми сверкающими глазами, и он не смог не признать ее привлекательности, однако одежда девушки также была неуместной. Вместо кринолина, приличествующего даме из высшего общества, она носила шаровары, выглядывающие из-под юбки. Нет, Харкурт определенно не имел намерения провести в одном купе с такими людьми даже двадцать минут.

Он двинулся дальше по направлению к паровозу и посмотрел в следующую открытую дверь. К счастью, купе оказалось свободно.

В нем располагалось по четыре сиденья справа и слева таким образом, чтобы пассажиры сидели лицом друг к другу. В конце купе располагалась вторая дверь. Общего коридора, соединяющего все купе, в вагоне не было, каждое из них представляло собой отдельную комнату с двумя выходами.

Харкурт забрался в купе и устроился на подушке из синего атласа, положил рядом с собой папку и зонтик и только после этого осознал, как разволновался во время погони за поездом. Он снял перчатку и коснулся ладонью лица: щека была влажной от пота. Вспомнив о маленьком человечке в соседнем купе, Харкурт задумался о поспешности, с которой он осудил незнакомца.

– Успели в последнюю минуту, сэр, – произнес кондуктор в открытую дверь.

– Да уж, – ответил Харкурт, стараясь не выдать своего облегчения.

Однако оказалось, что кондуктор обращался вовсе не к нему.

Тяжело дыша, в купе поднялся еще один пассажир и тут же тактично опустил глаза, чтобы не принуждать попутчика к разговору. Он оказался настолько любезен, что прошел к

дальней двери и уселся на той же стороне, что и Харкурт, спасая поверенного от неловкого обмена взглядами.

Харкурт прислонился спиной к стенке купе, но так и не смог успокоиться. Он не успел послать телеграмму тому человеку, с которым ему так не терпелось встретиться, но решил, что, когда он достигнет Седвик-Хилла, в местной таверне найдется кто-нибудь, кто согласится за полкроны доставить сообщение в близлежащее поместье, и оттуда вышлют экипаж. Обитатели особняка наверняка переполошатся из-за столь позднего визита, но когда Харкурт покажет своему клиенту два драгоценных листка, тот, вне всякого сомнения, по достоинству оценит старания своего поверенного.

Кондуктор захлопнул дверцу и запер ее на ключ. Как бы громко ни шипел паровоз, Харкурт все-таки расслышал скрежет металла, когда служитель закрывал следующее купе... затем еще одно и еще.

Поверенный невольно вспомнил, как когда-то в детстве старшие братья заперли его в сундуке, стоявшем в кладовой. Скорчившись в темном, тесном ящике, он отчаянно колотил в крышку, умоляя, чтобы его выпустили. Воздух внутри сундука сделался теплым и влажным от его дыхания. Он кричал все слабее, дышал все реже, в голове у него помутилось. Внезапно его ослепил яркий свет, братья с шумом откинули крышку и, смеясь, убежали прочь.

Мужчина, оказавшийся в одном купе с Харкуртом, тоже выглядел встревоженным и сидел в напряженной позе, выпрямив спину.

Паровоз запыхтел, чугунные столбы и закопченный стеклянный потолок перрона поплыли назад. Харкурт решил было полюбоваться окружающим пейзажем, если можно так выразиться, но латунная решетка на окне мешала сосредоточиться. Ее установили, чтобы помешать пассажирам высунуться наружу и удариться головой о какой-нибудь предмет, мимо которого проезжал поезд. По схожей причине купе запирались снаружи, иначе кто-нибудь мог случайно или даже умышленно открыть дверь в глупой попытке улучшить обзор и тоже удариться обо что-то или же потерять равновесие и упасть под колеса поезда.

Харкурт прекрасно понимал, зачем нужны эти предосторожности, но лицо его все равно покрылось потом. Из-за решеток на окнах и запертых дверей ему представлялось, что он находится не в купе поезда, а в тюремной камере.

Мужчина, деливший с ним это тесное помещение, поднялся и пересел на сиденье напротив Харкурта, почти касаясь его колен своими.

«Какая вопиющая бестактность, – подумал адвокат. – Может быть, это коммивояжер? Может быть, он надеется что-то мне продать?»

Поверенный упорно смотрел в окно, делая вид, что не замечает попутчика.

– Добрый вечер, мистер Харкурт.

«Черт побери, откуда ему известно мое имя?»

Харкурт поневоле обернулся и посмотрел незнакомцу в глаза.

– Вы? – воскликнул поверенный.

Незнакомец набросился на него. Харкурт попытался было закрыться зонтиком, но нападавший отнял у него ненадежную защиту и бросил на пол. Одной рукой незнакомец сжал горло Харкурта, а второй выхватил нож и ударил попутчика в грудь.

Лезвие наткнулось на что-то твердое и соскользнуло вниз. Нападавший выругался. Харкурт отчаянно пытался отбросить душившую его руку.

И тут начался ад.

Из дневника Эмили Де Квинси

После трех месяцев пребывания в Лондоне я не ожидала, что наш с отцом отдых от бесконечных исков кредиторов столь внезапно прервется. Спустя несколько недель после покушения на королеву Викторию, в свой двадцать второй день рождения я воспользовалась случаем, чтобы обратиться к чувствам отца и заставить его признать, что многолетняя зависимость от опиума может закончиться для него фатально.

За двумя бессонными днями последовали двадцать четыре часа тревожного забытья, когда сквозь посещавшие отца кошмары промаришировали все призраки его прошлого, а покойные мать и сестра говорили с ним.

Отец почти ничего не ел, кроме хлеба, вымоченного в теплом молоке. Он признался, что каждый день принимал целых шестнадцать унций лауданума – растворенного в бренди опиумного порошка. Такое количество алкоголя было достаточно разрушительным даже без добавления опиатов.

Под присмотром доктора Сноу отец начал уменьшать дозу лауданума на половину унции каждые три дня. При малейшем признаке сопротивления организма ему было велено добавлять четверть унции к обычной порции и оставаться на этом уровне, пока не утихнут дрожь и головные боли. А потом продолжать постепенное снижение дозы на полунции.

Этот способ оказался не только разумным, но и весьма эффективным.

Отцу удалось снизить дозу до восьми унций в день. Это по-прежнему было чудовищно много, учитывая, что люди, не привычные к опиуму, могли умереть от одной столовой ложки лауданума, но отец привыкал к нему более четырех десятилетий.

Его голубые глаза прояснились. Он начал есть бульон, временами даже с клецками.

Он снова начал писать, добавляя новый материал к собранию своих сочинений, которое готовил его шотландский издатель. Получив новые страницы, тот даже прислал нам десять фунтов. Неожиданная любезность, учитывая, что отец уже давно потратил весь свой гонорар.

Наши дорогие друзья Шон и Джозеф (я имею в виду, конечно, инспектора Райана и сержанта Беккера) радовались успехам отца и вместе со мной, как могли, подбадривали его. Но они не знали отца так хорошо, как я, и все то время, пока он боролся со своим пристрастием, я не могла не вспоминать, как уже не раз проходила вместе с ним этот путь. Особенно меня тревожило, что он задумал новую версию своей «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» – не только отредактированную, но и дополненную.

Как только я начала надеяться, что отец сможет освободиться от наркотика, он принялся пересматривать мучительный текст, написанный как будто в прошлой жизни, еще раз воссоздавать ужасные события, что привели его к зависимости от опиума. Снова он описывал, как семнадцатилетним юношей едва не умер на заснеженных улицах Лондона. Снова вспоминал несчастную Энн, свою первую любовь, пятнадцатилетнюю девушку с улицы, которая спасла его, ослабевшего от голода, но потом пропала без вести.

Я делала все возможное, чтобы отвлечь его. В тот четверг, вечером, Шон и Джозеф отвели нас в недавно открывшийся, но уже шумевший ресторанчик в Сохо, чтобы отпраздновать середину пути к освобождению отца от пристрастия к лаудануму.

Рана на животе Шона к тому времени вполне зажила, и у Джозефа больше не двоилось в глазах из-за удара по голове.

Укрепившееся здоровье каждого из нас и стало поводом для торжества. Отец даже предложил оплатить банкет из тех десяти фунтов, которые мы недавно получили.

– Не стоит беспокоиться, сэр. Мы забыли сказать вам, что Джозеф и я теперь богачи, – сообщил Шон.

– Богачи? – озадаченно переспросил отец.

– В самом деле. В качестве компенсации за наши ранения каждый получил премию в пять фунтов из особого фонда Скотленд-Ярда. И мы не можем придумать лучшего способа потратить часть этого громадного состояния, чем угостить вас и вашу дочь ужином.

Цветочный орнамент на потолке ресторана, яркие стеклышки в люстрах и искусно обрамленное зеркало над камином были чудо как хороши. Все складывалось так славно, что за шумом разговоров никто не обратил внимания ни на мои блумерсы, ни на ирам на подбородке Джозефа, ни на рыжие волосы Шона, когда тот снял кепи. Посетителей даже не заинтересовал низкий рост отца.

Но едва мы все расположились за столом, моя улыбка померкла. Это всегда началось с его глаз. Их голубизна стала хрупкой, как старинный фарфор. Затем лицо отца побледнело и внезапно заблестело от пота. На щеках появились новые морщины. Он схватился за живот и, дрожа всем телом, выдавил из себя лишь одно слово:

– Крысы.

Мужчина за соседним столом уронил вилку:

– Крысы? Где?

– Они грызут мой желудок, – пожаловался отец.

– Вам подали крыс?

– Мой отец болен, – объяснила я. – Сожалею, что побеспокоили вас.

– Крысы в желудке? Тогда пусть проглотит кошку.

Отец застонал, и Шон с Джозефом помогли ему выбраться из-за стола и выйти на улицу. Дождь, пролившийся вечером, придал лондонскому воздуху редкую для него свежесть. Я надеялась, что вместе с окутавшим нас холодным туманом они укрепят отца и смягчат его муки.

– Эмили, не отвести ли нам его к доктору Сноу? – спросил Шон.

– Не думаю, что он сможет нам чем-то помочь. Подобное случалось и прежде. Всегда есть уровень опия, ниже которого отец не в состоянии опуститься.

Повинуясь указаниям врача, я достала из кармана бутылочку с лауданумом и чайную ложку.

– Вот, отец.

Из печального опыта я знала, что другого пути не было. Ложечка рубиновой жидкости сделала свое дело. Дыхание отца начало успокаиваться. Постепенно он перестал дрожать.

– Мистер Де Квинси, у вас лишь небольшое обострение, – сказал Джозеф. – Завтра все снова будет в порядке.

– Да, лишь небольшое обострение, – пробормотал отец.

В слабом свете уличного фонаря я увидела, что у него в глазах стояли слезы.

Обычно отец ходил бодро, как будто опиум был для него возбуждающим, а не успокоительным средством. Но в ту ночь, пока мы возвращались по Пикадилли в дом лорда Палмерстона напротив Грин-парка, он шагал медленно и вяло.

Огромный особняк был одним из немногих на Пикадилли, что располагались в глубине от улицы. Одни ворота предназначались для подъезда, другие – для выезда. Изогнутая дорожка за ними вела к величественному крыльцу, на котором часто появлялась королева Виктория, когда ее двоюродный брат герцог Кембриджский владел зданием, до сих пор известным как Кембридж-Хаус.

Швейцар, не слишком довольный тем, что ему пришлось выбираться на улицу в холодный туман, отпер ворота.

– Лорд Палмерстон ожидает вас, – сказал он. – Пришла телеграмма.

– Для меня?

Судя по тону, Шон опасался, что свершилось еще одно страшное преступление.

– Для мистера Де Квинси.

Отец поднял голову в замешательстве:

– Для меня? Кто, скажите на милость...

– Может быть, ваш издатель, – предположил Джозеф.

К отцу вернулась часть его жизненной силы, пока лакей открывал тяжелую дверь.

Мы вошли в огромный холл, ярко освещенный люстрой и сверкающими хрустальными лампами на стенах. Греческие статуи, восточные вазы и огромные портреты благородной семьи лорда Палмерстона никогда не переставали поражать меня. Принимая во внимание все те сырые и тесные жилища, в которых приходилось ютиться нам с отцом, я и мечтать не смела поселиться в таком дворце, хотя лорд Палмерстон всегда относился к нему как к обычному дому.

Его светлость тут же появился на верхней площадке громадной лестницы, словно все это время поджидал нас.

– У меня для вас кое-что есть! – объявил он.

Держа в руке распечатанную телеграмму, он поспешно спустился. Таким подвижным я не видела его светлость с тех пор, как в начале февраля он стал премьер-министром; слишком уж тяжелый груз новых обязанностей свалился на него. Его грудь и плечи по-прежнему излучали силу, но бремя войны с русскими легло новыми морщинами на некогда красивое лицо, и подкрашенные коричневой краской густые длинные бакенбарды уже не скрывали почтенного возраста.

Проворно достигнув подножия лестницы, лорд Палмерстон передал отцу телеграмму.

– Похоже, премьер-министр страны стал вашим личным секретарем. Я открыл ее прежде, чем понял, что она предназначалась не мне.

Мы с отцом были благодарны его светлости за три месяца гостеприимства. Однако меня не отпускало ощущение, что лорд Палмерстон дал нам приют не столько из признательности за помощь, которую мы оказали в ходе недавних чрезвычайных происшествий, сколько для того, чтобы удерживать нас подле себя на случай, если мы узнаем о нем нечто компрометирующее. «Держи друзей близко, а врагов еще ближе», – однажды услышала я его слова, сказанные министру об одном из членов оппозиции. Не вызывало никаких сомнений, что это же правило он применяет и к нам. Со временем он явно устал от нас, особенно от ночных прогулок отца по коридорам его огромного особняка.

Если бы не симпатия к нам королевы Виктории и принца Альберта, он, несомненно, давно попросил бы нас уехать.

– Похоже, вас вызывают, – сказал лорд Палмерстон.

Лицо отца, и так почти лишенное всяких красок, побледнело еще сильнее, когда он прочел телеграмму и в отчаянии застонал.

– Отец, с тобой все в порядке? – спросила я.

– Это катастрофа! Чудовищная, как пожар Александрийской библиотеки!

– Какой пожар? – переспросил Шон.

– Поуп! Драйден! Это надо остановить! Брэдишюу! Дайте мне Брэдишюу!

Как бы ни озадачила меня внезапная вспышка отца, по крайней мере, одна фраза была понятной. Отец требовал железнодорожный справочник Брэдишюу.

– Вы слышали, – сказал своему лакею лорд Палмерстон. – Принесите ему моего Брэдшоу.

Слуга повиновался, хотя, казалось, ему хочется задержаться и узнать тайну странного поведения гостя.

– Шекспир! Спенсер! О нет! – стонал отец.

Я взяла у него телеграмму и прочла: «Терпение лопнуло. Книги продадут с молотка. Полдень. Пятница».

– Я же говорил, что он получит свои проклятые деньги! – настаивал отец.

– Это было шесть месяцев назад, но ты их так и не послал, – мягко напомнила я.

– Я объяснял ему, что нужно всего лишь немножко подождать! Почему он меня не послушал?

– Кому он объяснял, Эмили? – спросил Джозеф.

– Домовладельцу, – ответила я.

– Из Эдинбурга? Я думал, ваш домовладелец знает, что нынче вы живете в Лондоне и ему следует сдать вашу квартиру.

– Из Грасмера, в Озерном крае, – объяснила я остальным. – Отец жил там долгие годы. Одна из причин наших долгов состоит в том, что он коллекционирует книги.

На лицах у всех было написано недоумение.

– В огромном количестве, – скрепя сердце продолжала я. – Где бы отец ни жил, он заполнял книгами комнату за комнатой, пока в них не оставалось места, чтобы войти внутрь. Тогда он запирает дверь и снимал другое жилье.

– И много ли таких мест, доверху заполненных книгами, вы оставили после себя? – уточнил Шон.

– Три. Но раньше были и другие.

– Три? Но как, ради всего святого, ваш отец оплачивает ренту?

– Он и не оплачивает, только обещает. Иногда он отправляет деньги за месяц или два, заставляя домовладельцев надеяться, что вот-вот придут и следующие взносы. Со временем кто-то теряет терпение.

– Может быть, продав часть книг, он смог бы оплатить долг и сохранить остальные, – предложил Джозеф.

– Продать мои книги? – с ужасом переспросил отец.

По тому, как лорд Палмерстон выступил вперед, у меня сложилось впечатление, что он едва скрывает свой восторг.

– Вы просили Брэдшоу. Значит, вы задумали путешествие? Возможно, в Озерный край? В Грасмер?

– Книги выставят на аукцион завтра в полдень! Я должен ехать! – воскликнул отец.

– Да, и немедленно, – согласился премьер-министр.

Когда лакей прибежал с железнодорожным справочником Брэдшоу, его светлость принялся жадно листать толстый том.

– Так. Поезд отходит в девять часов вечера с Юстонского вокзала. Останавливается в Манчестере. Завтра в шесть утра выезжает из Манчестера в Уиндермир и прибывает туда в десять. Быстрый экипаж успеет доставить вас в Грасмер к полудню. Вы можете спасти свои книги. Скорее. Нельзя терять ни минуты.

– Но уже девятый час. – Я указала на большие часы у дверей. – Мы не успеем собраться.

– Об этом позаботятся, – заверил меня лорд Палмерстон. – Я поручу слугам упаковать ваши вещи и отправить их в Грасмер. Вы получите багаж завтра к вечеру. Возьмите кеб, – велел он лакею, а другому слуге сказал: – Принесите мое пальто, шляпу и перчатки.

– Вы отправитесь с нами, мой лорд? – спросил отец. – Разве вам не нужно сегодня в парламент?

– Я хотел бы попрощаться подобающим образом.

В итоге мы впятером набились в наемный экипаж, который был рассчитан лишь на четверых. Женищина в кринолине не смогла бы уместиться в переполненном салоне, но мои блумерсы позволили мне втиснуться в узкое пространство между Шоном и Джозефом, чувствуя их тепло по обеим сторонам от себя.

Я отправлялась в ресторанчик в приподнятом настроении. Но пока мы мчались по туманным улицам, ведущим к Юстонскому вокзалу, имея в запасе всего лишь пять минут, оно исчезло без следа. В кебе, в присутствии лорда Палмерстона, я не могла сказать Шону и Джозефу, как сильно не хочу покидать их.

– Я буду скучать, – все, что мне удалось произнести, пока мы торопливо пересекали Большой зал.

– Но вы, я надеюсь, скоро вернетесь, – быстро отозвался Джозеф.

Прежде чем я успела ответить, лорд Палмерстон сунул мне в руку два билета.

– Первый класс. Все, что угодно, для вас и вашего отца. И вот вам пять соверенов на дорогу. А теперь поторопитесь, иначе опоздаете.

Его светлость явно смутился, когда я поцеловала в щеку сначала Шона, а потом Джозефа. Но он не выказал ровным счетом никаких эмоций и торопливо повел нас по галерее к мрачному перрону с крышей из стали и стекла, где контролер проверил наши билеты.

Торопясь к исходящему паром поезду, я оглянулась и помахала Шону и Джозефу, стоявшим у турникета. На их лицах было написано уныние. Лорд Палмерстон, напротив, весь сиял и махал мне в ответ, радуясь возможности избавиться от нас так, чтобы не разгневать королеву. Я представила, как он говорит ей: «А что еще я мог сделать, ваше величество? Это была их идея».

Мы нашли пустое купе первого класса, и я предложила отцу сесть у дальнего окна.

Он выглядел настолько нетерпеливым, сжимая и разжимая кулаки, продолжая шевелить ногами даже сидя, что я хотела находиться как можно дальше от любого попутчика, который решил бы разделить с нами купе. Будто в ответ на мои мысли какой-то мужчина заглянул в открытую дверь и, явно недовольный увиденным, помчался дальше.

Кондуктор закрыл дверь на ключ. Хотя мне и неприятно было оказаться запертой в похожем на тюремную камеру купе, по крайней мере, мы избежали неловкости, разделяя тесное пространство с незнакомцами, которые смотрели бы на нас с осуждением.

Поезд тронулся. Туман за окном потихоньку начинал рассеиваться.

Мы промчались мимо газовых фонарей заводов, потом мимо тусклых огоньков ветхих домишек в трущобах. Наконец за окном остались лишь деревья и пастбища, залитые светом звезд и луны.

В купе было холодно. Света одинокой лампы на стене напротив меня не хватало, чтобы разогнать тени. Поезд покачивался, ускоряясь, перестук колес нарастал с каждой минутой.

– Эмили, позволишь открыть окно? Думаю, резкий ветер поможет мне успокоиться. – Он приподнял раму. – Возможно, еще одна чайная ложка лауданума тоже смогла бы мне помочь...

– Не сейчас, отец.

– Увы, не сейчас.

Со вздохом он откинулся на подушку. Я заняла место напротив, так что ветер обдувал его, а не меня.

– Смотри, чтобы в тебя не попали искры, отец.

Он отряхнул свое пальто.

Поезд мчался все быстрее.

– Во времена почтовых карет, – сказал отец, – особенно если ехать рядом с кучером, можно было без труда разглядеть пейзаж, что простирается впереди. Но здесь мы все равно что слепые.

За моей спиной раздался глухой удар.

– Что это было? – удивилась я.

– Ты о чем? – переспросил отец.

Снова что-то глухо ударило позади меня, на этот раз с большей силой.

– Стена, – сказала я. – Что-то бьется в нее.

Отец подался вперед. Даже в скудном свете я смогла заметить в нем перемену: отчаяние в глазах сменилось любопытством.

Следующий толчок был настолько силен, что перегородка задрожала.

Затем прозвучали подряд несколько громких ударов, за ними последовал приглушенный крик. И удары, и крик, казалось, доносились из соседнего купе.

Внезапно звезды и луна пропали – мы въехали в тоннель.

В замкнутом пространстве рев паровоза и неистовый стук колес усилились, зато удары и крики в соседнем купе стихли.

Когда поезд вылетел из тоннеля, грохот уменьшился. По закрытой части окна стекала какая-то жидкость, она покрывалась рябью на ветру, созданном стремительным движением поезда.

– Должно быть, пошел дождь, – предположил отец. – Капли залетели внутрь. Я чувствую их на своем лице.

– Но перед тем как мы въехали в тоннель, я взглянула небо, и оно было ясным, – возразила я. – Не понимаю, как облака могли так неожиданно нас обогнать.

– Тогда почему я чувствую, как дождь бьет мне в лицо?

Отец вытер щеку, обращенную к открытому окну, и посмотрел на свою руку.

– Эмили... – позвал он.

От его тона меня бросило в дрожь. Он протянул ко мне ладонь с темными пятнами, словно опасаясь, что впадет в опиумный бред.

– Все в порядке, отец, я тоже это вижу. Повернись к свету.

Он обратился ко мне другой стороной лица, и я вздрогнула. Его щека была покрыта той же самой жидкостью, что измазала окно. Это была чья-то кровь.

Лестера Олдриджа мучил кашель. Само по себе это было неудивительно. После необычно холодной, снежной зимы кашель донимал многих, но Олдридж кашлял потому, что работал железнодорожным кондуктором. Его жена считала, что постоянное воздействие паровозного дыма и копоти вредит легким супруга и его коллег, как каминная сажа вредит легким трубочиста – а никто еще ни встречал трубочиста, который бы не кашлял.

Когда девятичасовой юстонский поезд сделал первую остановку, Олдридж опять кашлянул в кулак и повернул колесо тормоза замыкающего вагона. Остальные вагоны не имели тормозной системы, поэтому одна из обязанностей кондуктора состояла в том, чтобы останавливать поезд.

Олдридж спрыгнул на перрон и пошел вдоль состава, открывая двери купе. В случае столкновения или схода с рельс это было особенно важно. Иначе пассажиры окажутся в западне.

Впереди слышались крики, но Олдридж решил пока не отвлекаться на них. Сначала нужно было сделать все, чтобы поезд не отстал от расписания. А потому кондуктор открыл дверь багажного вагона – благо она была всего одна и не потребовала много времени – и

поспешил к вагонам третьего класса. Однако крики становились все громче: какая-то женщина требовала кондуктора – и Олдридж помчался вперед.

Со всего перрона начали подтягиваться зеваки, спеша узнать причину переполоха. Олдридж протиснулся сквозь толпу и увидел в окне одного из купе первого класса привлекательную голубоглазую девушку со встревоженным лицом. Он вспомнил, что она вместе с пожилым спутником села на Юстонском вокзале. Еще тогда, заметив ее шаровары, выглядывающие из-под подола простой юбки без кринолина, Олдридж удивился, что эти пассажиры путешествуют первым классом, а не третьим.

– Выпустите нас! – потребовала девушка.

Еще раз кашлянув, Олдридж вставил ключ в замок.

– Вас что-то беспокоит, мисс?

– У моего отца кровь на лице!

– Кровь? – изумился кто-то в толпе. – Где?

– С вашим отцом произошел несчастный случай, мисс? – спросил Олдридж, торопливо отпирая дверь. – Он обо что-то порезался?

Кондуктор не мог вспомнить в купе ни одного острого предмета, которым можно было пораниться.

– Окно, – ответила девушка, помогая пожилому мужчине выбраться из купе. Перронный фонарь осветил его лицо, одна щека которого действительно была залита кровью.

– Боже мой! – пробормотал кто-то из зрителей, отшатнувшись.

– Кто-то разбил окно? – уточнил Олдридж, стараясь не показывать своего волнения. Он знал, что хулиганы иногда бросают камни в проходящий поезд, а также слышал, что летящая птица может врезаться прямо в стекло и разбить его.

– Нет, нет. Окно было открыто.

– Выпустите нас! – заголосили пассажиры из вагона второго класса.

К Олдриджу подбежал станционный охранник.

– Что случилось?

– Сам пока не знаю. – Олдридж справился с новым приступом кашля и сделал вид, будто контролирует ситуацию. – Откройте остальные двери и выпустите всех пассажиров.

Кондуктор снова обернулся к девушке.

– Охранник приведет врача. Так что же все-таки произошло?

– Кровь брызнула в окно.

– Брызнула в окно? – испуганно повторил кто-то в толпе.

– Откройте соседнее купе, – сказал пожилой пассажир. Багровые капли, текущие по щеке, придавали ему такой устрашающий вид, что окружающие опасливо попятились.

– Причем здесь соседнее... – начал было Олдридж.

– Послушайте моего отца, – посоветовала девушка. – Откройте соседнее купе.

Олдридж рванулся к соседней двери, открыл ее и нахмурился: тусклый свет лампы озарял пустое купе.

– Но ведь здесь точно были пассажиры, – заявил он. – Я помню, как один из них заговорил со мной, прежде чем я запер дверь. Затем, в самую последнюю минуту, появился второй. Куда они пропали?

Отец девушки протиснулся мимо Олдриджа и заглянул в купе.

– Коврик смят, – отметил он. – И подушки тоже.

Олдридж шагнул внутрь.

– Нет, не сюда, – остановил его низкорослый пассажир. – Идемте со мной. Скорее.

Девушка в блумерсах взяла сбитого с толку Олдриджа под локоть и потянула за собой так настойчиво, что он покорно направился следом за ее отцом в их купе.

– Посмотрите на закрытую створку окна. Видите, на ней кровь? – произнес низкорослый человек. – Отоприте дальнюю дверь.

– Но на той стороне темно. Мы ничего не увидим.

Стараясь не задеть девушку, Олдридж выбрался из купе и снял фонарь, висевший на чугунном столбе.

Затем вернулся обратно, опять обошел девушку и протянул фонарь присевшему боком на подушки низкорослому пассажиру. Затем вытащил из кармана ключ, просунул руку между решеткой окна, дотянулся до замка и открыл дверь.

Олдридж с облегчением спустился из купе на гравийную насыпь – здесь ему не придется осторожничать, чтобы ненароком не коснуться странной девушки или ее платья. Она же вместе с отцом тоже вышла из купе и остановилась между двумя железнодорожными путями – тем, по которому прибыл поезд, и встречным.

– Боже милостивый, – охнул Олдридж, поднеся фонарь к двери соседнего купе.

Чугунные ступеньки под дверью были залиты кровью, так же как и колесо, расположенное между двумя купе. Стену вагона и закрытую створку окна тоже забрызгало кровью.

– Ради всего святого, что здесь...

– Отоприте эту дверь, – распорядился отец девушки.

Олдридж уже привык выполнять их команды и подчинился без раздумий. Но едва он вставил ключ в замок, та распахнулась сама.

– Открыто, – удивленно проговорил кондуктор. – Но я уверен, что все двери на этой стороне были заперты. Я сам их проверял.

– Кто-то сломал замок, – показала рукой девушка.

Олдридж поднес лампу ближе. Не только замок, но и сама дверь из полированного красного дерева получила серьезные повреждения – или, точнее говоря, то, что раньше было дверью из красного дерева; большая ее часть была исцарапана и испачкана кровью, так же как сброшенные на пол подушки и смятый коврик. Даже потолок покрывали багровые пятна.

Олдридж кашлянул и ступил было на подножку, собираясь войти в купе.

– Нет! – остановил его низкорослый пассажир. – Так вы наступите в кровь на ступеньках и испортите улики. Не нужно ничего здесь трогать до прихода полиции. Передайте фонарь моей дочери, а сами приподнимите меня и подержите на весу, чтобы я мог осмотреть купе, не вставая на пол.

От этой странной парочки исходила такая уверенность, что Олдридж снова подчинился, довольный уже тем, что низкорослый пассажир почти ничего не весил.

– Я вижу только шляпу и испачканный кровью зонтик, – донесся изнутри его приглушенный голос. – Возможно, именно зонтик и был орудием преступления.

– А кожаной папки там нет? – спросил Олдридж, продолжая удерживать пожилого мужчину над полом. – Я помню, что первый пассажир держал эту папку в руках.

– Нет, только шляпа и зонтик. Хотя, подождите, кажется, что-то лежит под сиденьем. Опустите меня чуть ниже. – Низкорослый пассажир повис над самым полом и присмотрелся. – Нет, я ошибся. Там ничего нет.

– Похоже, у вас хронический кашель, – сказала девушка Олдриджу.

– Это из-за паровозного дыма, мисс.

– Вскипятите воду в горшке, добавьте немного сосновой смолы и подышите над паром, – порекомендовала она. – Это очистит ваши дыхательные пути.

– Вы разбираетесь в медицине? – спросил Олдридж, чувствуя, что держать пожилого отца собеседницы становится все труднее.

– Я беру уроки у одного врача. Через какое-то время ваши легкие пойдут на поправку, но вы никогда не вылечитесь, если и дальше будете дышать дымом.

– Что же мне делать, мисс? У меня жена и четверо детей, мне нужна эта работа.

– Возможно, вам помогла бы маска, носите ее, когда сидите в хвосте поезда и вас никто не видит.

– Спасибо за заботу, мисс.

Ее отец, все еще висевший над полом купе, крикнул:

– Кажется, больше ничего нет. Пожалуйста, опустите меня на землю.

Грудь Олдриджа продолжала болеть даже после того, как ноги низкорослого пассажира коснулись гравия.

– Ничего подобного раньше в поездах не случалось. Не знаю даже, что теперь делать.

Паровоз зашипел, и раздался резкий свисток.

Олдридж торопливо захлопнул дверь купе. Он не смог запереть ее из-за сломанного замка, но, по крайней мере, она не осталась открытой.

– Я вызову констебля, он постарается разобраться, что здесь произошло.

– Проследите, чтобы констебль не входил в купе и ничего там не трогал, – решительно заявила девушка. – И пошлите телеграмму в Скотленд-Ярд, инспектору Райану. Сообщите, что его здесь ждут мисс Де Квинси и ее отец. Он сразу же приедет.

Паровоз свистнул еще раз.

– Неважно, насколько быстро инспектор может приехать, поезду нужно отправляться, – объяснил ей Олдридж.

– Что?

– Мы выбились из графика.

– Не понимаю.

– Поезд должен немедленно отбыть, чтобы наверстать потерянное время.

– Но ведь здесь на кого-то напали! – воскликнула девушка.

– У нас нет выбора. Железнодорожное расписание неумолимо. Ничто не может изменить график. Если задержится один поезд, то вслед за ним начнут задерживаться и другие. И все движение встанет.

– Тогда отцепите вагон и оставьте его здесь до приезда инспектора Райана, – упрямо ответила она.

– Ничего не выйдет. На станции нет запасного пути, куда можно отогнать вагон. Для этого нужно доехать до Манчестера. Вагон вернется сюда только завтра к полудню.

Снова раздался протяжный свисток паровоза.

Олдридж поднялся в купе, где ехали низкорослый пассажир с дочерью.

– Вам тоже нужно занять свои места.

– По пути сюда мы проезжали тоннель. Он далеко отсюда? – спросила вдруг девушка.

– Тоннель? В четверти мили. А зачем он вам?

– Нападение произошло, когда мы въехали в тоннель. – Она повернулась к своему спутнику. – Ты знаешь, что нужно делать, отец.

– Да.

– Мне очень жаль твои книги.

– Мне тоже.

– Дайте мне, пожалуйста, ваш фонарь, – попросила девушка Олдриджа.

– Но...

Она взяла у кондуктора фонарь и пошла вдоль путей.

– Подождите! – окликнул ее Олдридж. – Что вы задумали?

– Возможно, тот, на кого напали, еще жив, – отозвалась она. – Может быть, я смогу помочь ему, остановить кровотечение!

– Но ведь это опасно!

– Пришлите кого-нибудь из охранников нам на помощь, и как можно скорее, – не отступала она.

Девушка побежала вдоль рельсов, а ее пожилой отец каким-то образом ухитрился не отставать. Огонек фонаря дрожал в темноте, становясь все меньше и меньше. Паровоз еще раз настойчиво свистнул, и Олдридж поспешил вернуться к своим обязанностям.

Холодный воздух жалил щеки Де Квинси.

– Отец, мне в самом деле жаль, что ты потеряешь свои книги, – сказала Эмили, шагая по темным шпалам. – Я понимаю, какую жертву ты сейчас приносишь.

– Жертва принесена давным-давно, Эмили. Наконец-то я осознал, что просто обманывал самого себя.

За спиной у них запыхтел паровоз, лязгнули сцепки вагонов, проскрежетали колеса. Де Квинси на ходу оглянулся. Красный фонарь на стене тормозного вагона медленно уплывал в ночь. Прошло несколько мгновений, и позади не осталось ничего, кроме отдаленного света станционных фонарей и темноты вокруг.

– Даже если бы я успел в Грасмер вовремя, как бы я помешал домовладельцу выставить на аукцион мои книги? Вынужден признать, что они были обречены с того самого момента, когда я закрыл за собой дверь дома.

Гравий хрустел в такт их торопливым шагам.

– Я вижу тоннель, – сообщила Эмили и подняла фонарь выше.

Зловещий вид темного прохода заставил ее остановиться.

– Эй! Вы слышите меня? – прокричал в тоннель Де Квинси.

Его слова растворились в ночи.

– Мы пришли помочь вам! – добавила девушка.

В темноте отозвалось одно только эхо.

– Вероятно, он так ослабел, что не может ответить нам, – решила Эмили. – Дай Бог, чтобы мы не опоздали.

Она взяла отца за руку, и они вместе шагнули в темноту.

Воздух мгновенно сделался еще холоднее, дышать стало тяжело. Они слышали только эхо собственных шагов и звук падающих с потолка капель.

Эмили направила фонарь в проход между рельсами, но свет был слишком слабым, чтобы разогнать тьму, скопившуюся возле изогнутых стен.

– Бездна из моих опийных кошмаров, – пробормотал Де Квинси.

– Отец, может быть, тебе стоило остаться на станции? Ты чувствуешь в себе силы, чтобы идти дальше?

– Я чувствую себя...

– Да? – обеспокоенно спросила девушка.

– ...живым.

Воодушевление оттого, что у него опять появилась цель, приглушало усталость шестидесятидевятилетнего Де Квинси, отгоняя прочь годы бесплодных сожалений о ловушке, в которую он угодил. Привычка ходить по пятнадцать миль ежедневно, чтобы справиться с тягой к опиуму, так раздражавшие лорда Палмерстона полуночные прогулки старика укрепили его ноги, так что ему удалось не отстать от своей дочери.

– Там, впереди, на насыпи что-то есть, – указал рукой Де Квинси.

Фонарь высветил темный бугорок между железнодорожными путями.

Эмили рванулась вперед, но тут же остановилась.

Даже если бы мужчина не лежал неподвижно, так, как могут лежать только покойники, все равно было ясно, что помощь ему уже не нужна. Убийца перерезал ему горло, превратил лицо в кровавое месиво и едва не отрубил ногу.

– Ох, – только и могла вымолвить Эмили.

Она поставила фонарь на насыпь и опустилась на колени рядом с огромной лужей крови, окружавшей труп. Преодолев секундную нерешительность, она протянула руку к запястью мертвого мужчины, чтобы нащупать пульс. Затем сокрушенно покачала головой.

– В декабре я подумала, что уже видела самое худшее в своей жизни. После февральских событий я окончательно уверилась в этом. Но сейчас... – Она вздохнула. – Помоги, Господи, этому человеку, потому что я уже ничем помочь не могу.

Де Квинси старался отогнать от себя медный запах крови.

– Надеюсь, ты не станешь утверждать, что это убийство тоже было изящным искусством? – поинтересовалась Эмили.

– Пусть судит Аристотель, а не я. Страх и сострадание – вот что требовал от искусства великий философ.

Де Квинси помог дочери подняться.

– То, что сделали с этим человеком, безусловно, вызывает ужас. – Он повернул Эмили так, чтобы она не видела труп. – Но как насчет сострадания?

– Отец, я догадываюсь, что ты сейчас делаешь.

– Просто пытаюсь создать в твоей голове реальность более возвышенную, чем та, что лежит у тебя за спиной.

– Спасибо.

– Этот человек, запертый, словно в клетке, в несущемся, словно пуля, поезде, чувствовал свою беспомощность, как и все мы, путешествуя подобным образом, и вот гнусное воображение подтолкнуло убийцу к преступлению в запертом купе. Не начнет ли в скором времени весь мир двигаться с такой скоростью, что в нем не останется места, где мы не будем ощущать страха? Да, мне жаль этого человека, – тихим голосом произнес Де Квинси. – Мне жаль всех нас.

Они обернулись к далекому входу в тоннель. Пробивающийся оттуда лунный свет создавал разительный контраст с густой темнотой вокруг.

– Ты вздрогнул, отец. Тебе холодно?

– Ты тоже вздрогнула, – ответил он дочери.

– Но мы не можем уйти отсюда, – сказала Эмили, и тоннель ответил ей гулким эхом. – До тех пор, пока станционные служащие не придут сюда и не найдут труп точно так же, как нашли его мы. Шон наверняка захочет, чтобы все оставалось нетронутым до его прихода.

– Ты видишь огни станции?

– Нет, отец, они слишком далеко.

– Может быть, ты видишь силуэты спешащих к нам людей?

– Нет, их я тоже не вижу, – ответила Эмили. – Как ты думаешь, что их задержало?

– А вот я что-то вижу. Возможно, это только мое воображение, затуманенное лауданумом.

– О чем ты, отец?

Де Квинси протянул вперед руку с фонарем. На уровне его колен в темноте сверкнули отраженным светом несколько пар глаз.

Эмили отшатнулась. В ответ кто-то зарычал.

– Собаки, – определила девушка.

Глаза пододвинулись ближе – три пары, четыре, пять.

– Должно быть, их привлек запах крови, – решил Де Квинси. – Они хотят съесть труп! Зарычала еще одна собака.

– Возможно, они и нас захотят съесть! – Эмили замахала руками и крикнула: – Пошли прочь!

Глаза ненадолго исчезли.

– Вот и правильно! – продолжала кричать девушка, решив, что собаки повернулись и убежали прочь. – Оставьте нас в покое!

Но тут глаза снова засверкали к темноте.

– Я не могу ничем помочь этой несчастной душе, но клянусь Богом, что не оставлю его тело! – заявила Эмили.

В темноте сверкнули оскаленные зубы.

Девушка отскочила так быстро, что едва не упала.

– Гравий, – подсказал Де Квинси.

Он набрал в руку пригоршню камней и бросил туда, где светились глаза.

Поднялся визг, и светящиеся точки вновь исчезли.

– Вот так! – воскликнула Эмили и тоже со всей силы швырнула вслед собакам горсть камней, а затем еще одну.

Собаки завизжали громче, но через мгновение опять послышалось рычание. Де Квинси обернулся. Желтые огоньки глаз приближались с противоположного конца тоннеля.

– Эмили, я возьму на себя эту сторону, а ты возьми другую! Продолжай кидать камни!

Удерживая фонарь в левой руке, он нащупал правой еще одну пригоршню гравия и швырнул в собак. Некоторые камни с шумом ударились о рельсы, но другие угодили в мягкую плоть. Хотя Де Квинси был в перчатках, острые края гравия прорвали тонкую материю.

– Чертовы твари! – крикнула Эмили после нового броска. – Я не дам вам съесть этого человека!

Судорога свела руку Де Квинси.

– Шуми как можно громче! – велел он дочери и сам запел церковный гимн, запомнившийся ему после ужасных февральских событий: – «Сын Божий вышел на войну для праведных побед». Подпевай, Эмили! «Сын Божий вышел на войну».

Их голоса гулко отражались от стен тоннеля. Де Квинси перешел на Шекспира:

– «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»¹ Но я отправлю вас обратно в преисподнюю! Я стану псом войны!

– Отец! – испуганно воскликнула Эмили.

Раскатистое эхо голосов не шло ни в какое сравнение с отчаянным грохотом, обрушившимся на них. Внезапно вход в тоннель заслонила темнота, в которой вспыхнули два красных огонька и с каждым мгновением разгорались все ярче.

Эмили схватила отца за руку и оттащила с насыпи за мгновение до того, как мимо промчался поезд. Яростный порыв поднятого им ветра взметнул полы пальто Де Квинси. Земля под ногами задрожала, он зажал руками уши. Вагон за вагоном проносились мимо, грохот и лязг бесчисленных колес смешался с общим хаосом. Густой дым заполнил тоннель, шальная искра обожгла лоб пожилого человека. От копоти, повисшей в воздухе, стало трудно дышать. Он закашлялся и прикрыл глаза, чтобы уберечься от летящей в лицо пыли.

Внезапно грохот и лязг стихли. Когда развеялся дым, Де Квинси открыл слезящиеся глаза и увидел стремительно уплывающие по направлению к Лондону красные фонари курьерского поезда. Громоподобное эхо улеглось, и теперь он слышал только звон в собственных ушах.

– С тобой все в порядке, Эмили?

Они поднялись на ноги, и Де Квинси вытянул перед собой руку с фонарем. Собачьих глаз больше не было видно.

– Должно быть, поезд их спугнул, – предположил он.

– Нет, – ответила девушка.

¹ Шекспир У. Буря. Перевод М. Донского.

Огоньки глаз вспыхнули вновь. Темные силуэты окружили Де Квинси и его дочь. Рычание раздавалось совсем близко. Собачьи зубы щелкнули рядом с ногой Эмили.

– Чтоб ты сдохла!

Девушка пнула ботинком в собачью морду. Заскулив от боли, собака убежала прочь.

– До сегодняшнего вечера мне не приходилось слышать от тебя таких выражений, Эмили.

– Возможно, ты услышишь кое-что похуже, отец.

Другая собака ухватила ее за шаровары и дернула с такой силой, что девушка едва устояла на ногах.

У Де Квинси похолодело в груди, он подпрыгнул и с размаху ударил фонарем по голове очередной собаки. Ошеломленное животное разжало зубы и отскочило в сторону.

Тяжело дыша, пожилой человек потянулся за новыми камнями, но его пальцы наткнулись на что-то металлическое. Он поднес находку к фонарю – это оказался обломок прута, вероятно упавший с проходящего поезда.

Де Квинси собрался с силами и заколотил прут по рельсу. Непривычный громкий звук испугал собак, и они бросились наутек.

– Получилось, отец!

Де Квинси продолжал стучать по рельсу, но сердце его колотилось с такой силой, что он боялся потерять сознание.

– Мне так долго не продержаться, Эмили.

Тяжело опустившись на насыпь, он протянул прут дочери. Пот градом катился по его щекам, пропитав всю одежду.

Девушка снова и снова ударяла по рельсу, однако пронзительный, резкий звук лишь заставил собак остановиться в нерешительности.

Де Квинси пытался успокоить безумно бьющееся сердце.

– Они возвращаются! – предупредила Эмили.

Пожилой человек заставил себя подняться. Несомненно, он просто видит свой опиумный кошмар, ничего этого на самом деле не происходит, он спит у себя дома в Эдинбурге и никогда не приезжал в Лондон.

Он стащил с себя пальто.

– Отец, что ты делаешь?

– Я люблю тебя, – ответил он, поднял стекло фонаря и поднес полу своего пальто к пламени.

– Отец!

Ухватившись за воротник пальто, он хлестнул горячей полкой по головам собак. Огонь осветил свалывшуюся шерсть и жуткие гноящие язвы на коже животных. У одних было откушено ухо, у других в открытых ранах шевелились черви, все они казались исчадиями ада.

Де Квинси понимал, что умрет, если сердце начнет биться еще быстрее.

– Убирайтесь к дьяволу! – крикнул он и снова замахнулся горящим пальто на собак.

Искры полетели во все стороны. Запахло паленой шерстью. От бешеных толчков сердца у Де Квинси закружилась голова.

Эмили по его примеру сняла пальто и также подожгла его. Когда отец опустился на колени, она подскочила и замахнулась на собак объятый пламенем одеждой.

В тоннель влетели огни, и на мгновение Де Квинси испугался, что это приближается еще один поезд. Но огни покачивались из стороны в сторону, и он понял, что это фонари в руках бегущих им навстречу людей. В подтверждение его мыслей послышались мужские голоса: «Прочь, мерзавцы! Проваливайте отсюда!»

В свете фонарей было видно, как поднимаются и опускаются полицейские дубинки. Собаки завизжали, и их темные силуэты исчезли в устье тоннеля.

– С вами все в порядке? – спросил один из подбежавших мужчин, и фонарь осветил его форму железнодорожного охранника. – Бог мой, видели бы вы сейчас себя, сэр! У вас на лице кровь и на перчатках тоже. Как и у вас, мисс. Вы оба измазались сажей. А что случилось с вашими пальто? От них остался только пепел.

– Мы уже думали, что вы так и не появитесь, – призналась Эмили.

– Мы никак не могли разыскать врача, мисс.

– Но моя помощь здесь не понадобится, – заметил человек, стоявший рядом с телом жертвы. – С такими тяжелыми ранами никто бы не выжил.

– Я проверила его пульс, – ответила Эмили. – Ему действительно уже ничем не помочь.

Врач озадаченно посмотрел на нее. Видимо, он и представить себе не мог, что женщина способна нащупать пульс.

– Лучше держаться подальше от трупа, – добавила Эмили. – Для полицейского расследования необходимо, чтобы все оставалось нетронутым.

– Я здешний констебль, – заявил еще один мужчина, сделав шаг вперед.

– Значит, вы сами знаете, что нужно оставить все как есть, чтобы инспектор Райан мог выполнить свою работу, – заключила Эмили.

– Да, кондуктор говорил, что вы просили вызвать инспектора Райана из Скотленд-Ярда и сообщить, что его здесь ждут мисс Де Квинси со своим отцом. Это имя кажется мне знакомым.

Де Квинси почувствовал, что крысы опять накнулись на его живот, и попросил:

– Эмили, дай мне, пожалуйста, мое лекарство.

Она вытащила из складок платья бутылочку с лауданумом и чайную ложку, но он отпил прямо из горлышка.

Разглядев, что это за бутылочка, все трое мужчин изумленно раскрыли рты.

– Теперь я вспомнил, где слышал это имя, – сказал констебль. – Вы – Любитель Опиума.

Глава 2

То, из-за чего умирают люди

Неженатые детективы Скотленд-Ярда имели право ночевать в полицейском общежитии в районе Уайтхолла, неподалеку от штаб-квартиры Службы столичной полиции. Бывшие частные апартаменты состояли из нескольких комнат, уставленных теперь узкими койками.

Было десять минут двенадцатого, как позже узнал Райан, когда его разбудил констебль, тихо, чтобы не потревожить других спящих полицейских, прошептавший:

– Прошу прощения, инспектор, но на ваше имя пришла телеграмма.

– Телеграмма? – Райану хватило одного мгновения, чтобы собраться с мыслями. Он был так расстроен из-за отъезда Эмили и ее отца, что спал очень чутко. – Кто ее отправил?

– Большая Северная железная дорога.

– Железная дорога? С какой стати...

Райан встал и натянул брюки, стараясь производить как можно меньше шума. Он вышел за констеблем в прихожую и прикрыл за собой дверь, чтобы свет лампы никому не помешал спать.

Инспектор прочитал телеграмму дважды.

– Благодарю вас, – сказал он, стараясь скрыть беспокойство.

Он снова зашел в комнату и пробрался в тот угол, где спал Беккер. Едва инспектор коснулся плеча своего коллеги, как тот открыл глаза.

– Эмили попала в беду, – объявил Райан.

Они спустились по лестнице и направились в полицейское управление.

– В это время поезда уже не ходят, – сказал инспектор дежурному констеблю. – Нам нужен полицейский фургон.

– Я бы с радостью, но они все заняты.

Райан обернулся к Беккеру.

– Похоже, придется потратить нашу премию.

Они выскочили из управления навстречу ночному холоду, задержавшись лишь на мгновение, чтобы застегнуть свои пальто. Парламент заседал до полуночи, и движение по Уайтхоллу в этот час не было оживленным. Райан с Беккером выбежали на Стрэнд, где ярко светились окна театров, таверн и закусочных, а самое главное – разъезжали многочисленные кебы.

– Мы из Скотленд-Ярда, – заявил Райан кебмену, едва два богато одетых джентльмена покинули экипаж, и в доказательство предъявил свой жетон.

– Пособить инспектору полиции – это мы с превеликим удовольствием, – ответил возница. – Куда изволите?

– Далеко.

– Только заплатите, доставлю в лучшем виде.

Беккер назвал пункт назначения.

– Так это же десять миль! – заупрямился кебмен.

– Вот вам два соверена, – сказал Райан, и они с Беккером протянули вознице по монете. – Вы не заработаете столько, даже если будете всю ночь колесить по Лондону.

– И еще десять миль обратно. Моя лошадушка совсем из сил выбьется.

– Еще два соверена, – не стал спорить Райан, и они с Беккером снова полезли в карманы. Четыре фунта – возница, скорее всего, в жизни не держал в руках таких денег.

– Должно быть, у сыщиков Скотленд-Ярда есть очень важная причина для такой дальней поездки, – решил кебмен.

– Самая важная в мире, – подтвердил Беккер.

– Ага, в мире нет ничего важнее, чем хорошенькая барышня.

– Точно, – согласился Райан.

– Ну тогда, господа хорошие, держитесь крепче!

Возница взмахнул кнутом, подгоняя лошадь.

Райан и Беккер сидели в кебе, как на иголках, и долгое время молчали. И сорокалетний инспектор, и двадцатипятилетний сержант прекрасно понимали, что увлечены одной и той же двадцатидвухлетней девушкой.

По вечерам, ложась спать, Райан часто напоминал себе, что он почти вдвое старше Эмили и потому должен испытывать к ней скорее отцовские чувства. Но как ни старался, он не мог преодолеть свое влечение к девушке. Иногда ему все же удавалось думать об Эмили как о дочери, но вся его решимость разрушалась в один миг при новой встрече с ее голубыми глазами, каштановыми локонами... и ее душой, ее прекрасной, невероятно свободной и независимой душой.

Кеб добрался до северных окраин Лондона с их фабриками и трущобами.

Остановившись у заставы, чтобы оплатить проезд, они помчались дальше в темноту. Пустынная дорога, покрытая щебнем, позволяла не сбрасывать скорость даже в тусклом свете наружных фонарей кеба.

Как бы быстро они ни ехали, Беккер все равно нетерпеливо постукивал пальцами по колену, Райан же смотрел в окно. Туман рассеялся, открывая взгляду темные силуэты деревьев, поля и ручьи.

Однако инспектор видел перед собой лишь лицо Эмили.

– Я молюсь, чтобы с ней не случилось ничего плохого, – сказал Беккер.

– А если нет, кто-то дорого за это заплатит, – пообещал Райан.

– Непременно, – решительным тоном согласился его коллега.

– Вы не прогадали, подряжая меня, господа хорошие, – крикнул возница. – Слышите, церковный колокол пробил час ночи? Я домчал вас всего за полтора часа.

Райан хмуро поглядел на штабели кирпичей и кучи песка вдоль дороги, освещенные двумя фонарями кеба. Потрескавшиеся доски свисали с голых каркасов домов. Повсюду видны были груды мусора.

– Что здесь произошло? – спросил Райан.

– Железная дорога! – ответил кебмен. – Земельные спекулянты решили построить дома для тех, кто хочет жить поблизости от Лондона. Но они сами себя перехитрили, понастроили столько, что покупателей не нашлось. Мой брат плотничал здесь одно время, пока его не уволили, и пришлось ему пойти в армию, чтобы не помереть с голоду. Храни его, Боже, он теперь на войне.

Райан разглядел впереди кучку домов и лавок, построенных возле железнодорожной станции. Немошеные улицы освещали старомодные фонари с баллонами для светильного газа.

Как только кеб остановился, они с Беккером выскочили из экипажа и с гулким топотом побежали по деревянному перрону к станции. В окнах кассы и телеграфного участка было темно, но в зале ожидания горел свет. Райан заглянул внутрь, но там оказалось пусто.

Станционный охранник встретил их у дверей.

– Я инспектор Райан из Скотленд-Ярда. А это сержант Беккер. Где Эмили Де Квинси и ее отец?

– Там, – показал на зал ожидания охранник.

Инспектор вбежал внутрь, но не нашел их.

– Где?..

Беккер жестом указал Райану на скамьи, где неподвижно лежали Эмили и ее отец.

Инспектор, испугавшись, что они мертвы, поспешил к ним, но тут же остановился и облегченно вздохнул, когда девушка приподняла голову. Однако на смену облегчению пришел ужас, стоило ему взглянуть на лицо Эмили, измазанное сажей. Ее шляпа помялась, пальто не было вовсе, юбка порвалась и испачкалась, на руках виднелись пятна крови.

Отец Эмили выглядел еще хуже, белки глаз его разительно выделялись на покрытом кровью и сажей лице.

– Боже мой! – воскликнул Беккер.

– В поезде произошло убийство, – торопливо заговорила Эмили. – Труп лежит в железнодорожном тоннеле. Мы с отцом пытались защитить его от собак.

– Что? – только и сумел произнести в ответ Райан.

Эмили еще раз повторила сказанное, и полицейские удивленно переглянулись.

– Вы сделали это, чтобы сохранить улики? – спросил Беккер.

– Нам не хотелось разочаровать вас, – ответила Эмили.

– Вы никогда нас не разочаруете.

– Боюсь, что у меня все же получится, – вступил в разговор Де Квинси.

– Учитывая все обстоятельства, я просто не могу себе представить, каким образом. – Райан поворошил угли в камине, пытаясь выгнать из зала промозглую сырость. – Нужно раздобыть для вас одеяла.

– Я забрал одну улику с места преступления, – объяснил Де Квинси.

– Что вы сделали? – Райан удивленно посмотрел на маленького человечка.

– Кондуктор сказал нам, что поезд должен ехать дальше и вагон, в котором произошло убийство, нельзя оставить на станции.

Де Квинси поднес к губам бутылочку с лауданумом и отпил из нее, стараясь не пролить ни одной капли драгоценного опиума.

Инспектор с безмолвным сочувствием посмотрел на Эмили.

– Кондуктор утверждал, что вагон не вернется сюда раньше полудня, – продолжал пожилой человек. – Одна дверь купе, в котором произошло убийство, оказалась повреждена, и ее нельзя было запереть на замок. Я не мог быть уверен, что через пятнадцать часов место преступления останется в неприкосновенности, пока поезд движется от станции к станции до Манчестера, а затем обратно. Несомненно, новости быстро разлетятся. Первое в Англии убийство в поезде, – разумеется, купе, в котором оно произошло, привлечет внимание толпы. Когда люди узнают, что дверь не заперта, неужели любопытство не заставит их войти внутрь и потрогать все своими руками? Неужели они не захотят взять себе что-нибудь на память? Я попросил кондуктора приподнять меня, чтобы я мог осмотреть место преступления, ни к чему не прикасаясь. Я увидел испачканный в крови зонтик. По словам кондуктора, там должна была также лежать кожаная папка для бумаг, но я ее не нашел. А потом я заметил под сиденьем кое-что еще. Сначала я решил, что это игра света, и велел кондуктору опустить меня ниже к полу. Но это оказались вовсе не отблески лампы.

Де Квинси засунул руку в карман и вытащил плоский круглый предмет желтого цвета, почти полностью закрывающий собой его ладонь.

– Такой сувенир кто-нибудь непременно захотел бы оставить себе, – произнес Де Квинси.

На мгновение в зале установилась такая тишина, что было слышно, как потрескивают угли в камине.

– О боже мой, золотые часы! – восхитился Беккер.

– Не просто золотые часы, – заметил Райан, протягивая к ним руку.

Они были около десяти сантиметров в диаметре. Инспектор ощутил тяжесть золота на своей ладони. На отполированном корпусе виднелись полосы засохшей крови.

Цепочка от часов была порвана, и лишь часть ее свисала сейчас с корпуса.

– Должно быть, оторвалась во время схватки с убийцей, – решил Райан.

На задней поверхности были затейливо выгравированы три буквы.

– Трудно разобраться во всех этих завитушках, но похоже на «Д», «У» и «Б», – определил Беккер. – Думаете, это инициалы жертвы?

Райан открыл крышку, внутри было два циферблата: один – для часов и минут, другой – для секунд.

Инспектор бросил взгляд на часы зала ожиданий. Каждое утро каждая железнодорожная станция в Англии получала телеграмму с точным временем, согласованным с Королевской Гринвичской обсерваторией.

– Время в точности совпадает, – объявил он. – Четырнадцать минут второго.

На циферблате тоже была гравировка простыми изящными буквами:

Д. У. БЕНСОН ЛОНДОН

– Значит, буквы на задней поверхности означают то же самое, – сообразил Беккер.

Райан кивнул.

– Это не просто золотые часы. Это знаменитый хронометр Бенсона.

Он открыл заднюю крышку и показал на два крохотных отверстия, куда вставлялся ключ для завода часов.

– Мелкие детали этого сложного механизма изготовлены вручную в мастерской Бенсона на Лудгейт-хилл. – Райан имел в виду фешенебельную улицу, расположенную возле собора Святого Павла. – Как вы думаете, сколько они стоят?

– Пятьдесят фунтов, – предположил Беккер.

– Кто еще попробует?

– Может быть, восемьдесят, – сказала Эмили, но по ее голосу было件нятно, что она сама не верит в это.

– Сто, – поправил Райан.

– Подозреваю, что инспектор имел в виду гинеи, а не фунты, – вставил Де Квинси.

Все с изумлением поглядели на часы. Гинеи оценивались в один фунт и один шиллинг. Хотя такие монеты больше не чеканились, само название «гинея» продолжали использовать, когда речь шла о дорогих покупках: драгоценностях, скаковых лошадях, земельных владениях. Роскошные часы на ладони у Беккера стоили сто пять фунтов.

– Такие маленькие и такие дорогие, – произнесла Эмили.

– Потрогайте, – передал ей часы Райан.

Девушка удивилась их тяжести.

– Восемнадцать карат чистого золота, – объяснил инспектор. – Беккер, вы тоже. Вот, возьмите. Не каждый день удастся подержать в руках вещь, стоимость которой равняется вашему двухгодичному жалованью.

– Иногда мне кажется, что вы знаете обо всем на свете, – заметил сержант.

– Все дело в опыте. Возможно, лет через пятнадцать какой-нибудь молодой сотрудник скажет вам то же самое.

Райан тут же пожалел, что заговорил о разнице в возрасте. Но Эмили, похоже, не обратила на это внимания.

– Как-то раз я расследовал ограбление в Белгравии, – объяснил инспектор. – Граф, хозяин дома, больше сокрушался из-за утраты хронометра Бенсона, чем из-за похищенных драгоценностей жены. И я решил, что должен узнать больше об этой вещи.

– Вы нашли того, кто украл хронометр? – поинтересовалась Эмили. – Вам удалось вернуть его владельцу?

– Вор пытался продать часы в лавки, торгующие подержанными украшениями, – ответил Райан. – Но никто не осмелился приобрести их, понимая, что полиция наверняка заинтересуется столь дорогой и редкой вещью. Кое-кто из торговцев запомнил внешность человека, предлагавшего им часы. Мы без труда определили, где он живет, и нашли хронометр в ящике комода с двойным дном. Я спросил вора, почему он не выбросил часы в Темзу, когда понял, что не сможет их продать. Тот ответил, что они слишком красивые и он временами просто доставал часы из тайника и любовался ими. Интересно, изменил ли он свое мнение, после того как...

Не было никакой необходимости договаривать до конца: «после того как отправился на каторгу». Все и так знали о суровом наказании, фактически равносильном смертному приговору, которое полагалось за кражу столь ценных вещей.

Райан решил сменить тему.

– Эмили, вы и ваш отец наверняка замерзли. – Он открыл дверь и позвал станционного охранника. – Скажите, здесь где-нибудь есть меблированные комнаты?

– Прямо напротив станции, инспектор. Но я уже навел справки – все они заняты.

– Возможно, хозяин за вознаграждение разрешит мисс Де Квинси и ее отцу смыть сажу и кровь с лица, – не отступал Райан. – И возможно, он одолжит подушки и одеяла, чтобы им было удобнее спать здесь.

– Об этом я не подумал, инспектор. Пойду разузнаю.

Райан обернулся к Беккеру. Ему очень не хотелось произносить эти слова, но предстояло еще многое сделать, и он, как старший по званию, не мог свалить такую важную работу на подчиненного.

– Позаботьтесь об Эмили и ее отце. А я пойду в тоннель и осмотрю труп.

Беккер с признательностью посмотрел на него, прекрасно понимая, что Райан с удовольствием поменялся бы с ним местами.

С фонарем в руке инспектор шагнул в душную темноту тоннеля.

Два огня впереди показывали ему дорогу. Ежась от пронизывающего холода, он подошел к констеблю и еще одному станционному охраннику. В воздухе чувствовался металлический привкус крови.

– Констебль, я инспектор Райан из Скотленд-Ярда. С вашего позволения, я осмотрю жертву.

– Вы в таких делах понимаете больше меня, – ответил констебль, благодарный за то, что кто-то другой брал его ответственность на себя.

– Раз так, – Райан собрался с духом, – пожалуйста, посветите мне фонарем.

Он присел над трупом, стараясь не вдыхать глубоко. Это было самое ужасное убийство из всех, с какими ему доводилось встречаться, считая даже те, что произошли в декабре и феврале. По личному опыту он знал, что справится с нахлынувшими эмоциями, если сосредоточится на деталях. Убитый оказался мужчиной среднего роста, приблизительно ста семидесяти сантиметров, и плотного телосложения. Раны на шее и голове были ужасны, но Райан все же определил, что убитый был лысым и носил так называемую шкиперскую бородку – полосу волос, повторяющую очертания скул, но без усов.

Одежда на убитом была хорошего качества и явно недешевая, хотя пятна крови мешали понять, насколько дорогой был на нем костюм. На одной ноге сохранился ботинок, другой, вероятно, потерялся во время схватки. Несмотря на царапины от гравия, можно было с уверенностью утверждать, что обувь недавно тщательно начистили. Каблук почти не сносился. Да, жертва была не из простого люда.

Правая нога едва держалась на сухожилиях, судя по всему, от тела ее отрезали колеса проходящего поезда.

Кровь натекла на одежду из ран на груди, а также на шее и лице.

Охранник сдавленно булькнул и отвернулся.

Его примеру последовал и констебль.

– Не буду сегодня ни завтракать, ни обедать, – заявил охранник.

– Как вы можете смотреть на все это? – изумился констебль.

– Я повторяю себе, что жертве пришлось намного хуже, – ответил Райан, мысленно поблагодарив за науку комиссара Мэйна, и добавил: – Тринадцать лет назад человек, обучавший меня ремеслу полицейского детектива, говорил, что я должен забыть о своих чувствах и сосредоточиться на тех деталях, которые помогут найти чудовище, совершившее злодеяние.

– И вы можете это сделать? – уточнил констебль. – Можете забыть о своих чувствах?

– Нет.

Райан поднес фонарь к труп. Раны на груди и шее, вероятнее всего, были нанесены ножом, решил инспектор. Но что насчет царапин на лбу и лице?

Эмили и ее отец упоминали кровь на ступеньках купе и на колесе поезда, а также на наружной стене соседнего купе, в котором сидели они сами.

Райан решил, что убитый был слишком тяжелым и у преступника не хватило сил, чтобы поднять его и вышвырнуть из купе, предварительно выбив ногой дверь. Скорее всего, убийце пришлось подтащить его к двери и столкнуть вниз. Именно так жертва ударилась головой сначала о ступеньку, а затем о колесо поезда, которое и разбрызгало кровь по стенке вагона.

«Возможно, все произошло именно так», – повторил про себя Райан, сделав ударение на первом слове. Он узнает больше, когда осмотрит купе, в котором произошло убийство. Интересно, найдет ли он на полу полоску крови, подтверждающую, что жертву действительно тащили к двери?

Труп лежал на боку. Райан не без труда перевернул его на спину.

Он заметил оборванную цепочку от часов, прикрепленную к петлице жилета. Перед тем как выйти из зала ожидания, инспектор забрал у Беккера хронометр Бенсона. А теперь вытащил из кармана брюк и вновь посмотрел на диковинную вещь.

– Что это? – спросил констебль, осмелившийся снова взглянуть на жертву.

– То, из-за чего умирают люди, – ответил Райан.

Инспектор сравнил фрагмент цепочки, прикрепленный к часам, с тем, что нашел на теле жертвы. Узор цепочки совпадал, и сломанные звенья тоже.

Райан положил хронометр обратно к себе в карман и обыскал жертву.

– Я бы так не смог, сэр, – заметил констебль.

– В случае крайней необходимости, если того потребует долг, вы бы справились не хуже меня, – заверил его инспектор. – В вашем городке есть фотограф?

– Был, пока все шло так, как обещали застройщики. А потом он вернулся в Лондон.

– А художник-портретист? Есть здесь кто-нибудь, кто смог бы нарисовать человека близко к оригиналу?

– Я знаю одного отставного офицера, который рисует птиц. Получается так здорово, что птица того и гляди спорхнет со страницы.

– Вы сказали «отставного офицера»?

– Да, его ранили в Крыму.

– Значит, он много повидал на войне и не будет слишком потрясен. Когда я закончу, пусть кто-то из вас разбудит его, а второй останется здесь.

– Разбудит его?

– Мы не можем убрать труп, пока не получим подробные эскизы, и это нужно сделать как можно скорее. Мне не хочется находиться в этом тоннеле, когда утром по нему пойдут поезда.

Инспектор продолжил осмотр. Карманы убитого оказались разрезаны. Если там и лежал кошелек с деньгами, то он исчез. Райан нашел только маленький ключ – вероятно, от часов, а также билет на поезд в жилетном кармане. И то и другое он забрал себе.

– Билет до Седвик-Хилла, – определил он, поднеся находку к фонарю.

– Это следующая станция, – объяснил охранник. – Как жаль. Бедняга был безжалостно убит, не доехав до цели совсем немного.

– Но почему его убили? – пробормотал Райан.

– Прошу прощения, инспектор, но разрезанные карманы говорят сами за себя. Его убили из-за денег.

– Возможно, – задумчиво повторил Райан.

– Здесь не так удобно, как в особняке лорда Палмерстона, Эмили, но, по крайней мере, вы согреетесь и, возможно, сумеете поспать. И вы тоже, мистер Де Квинси.

Беккер расстелил одеяла на двух скамьях в зале ожидания и уложил на них подушки.

– Спасибо. – Эмили посмотрела на сержанта с благодарностью.

– Всегда рад помочь. Вы знаете, что я хотел бы сделать для вас больше.

– Да, – ответила девушка. – Знаю.

Они обменялись понимающими взглядами, подтверждающими, что и он, и она не забыли о разговоре, случившемся месяц назад. Тогда Беккер спросил, не думает ли она о замужестве, но Эмили объяснила, что необходимость заботиться об отце не позволяет ей заглядывать так далеко в будущее. Однако сержант не терял надежды, что когда-нибудь она изменит свое решение.

– Как вы себя чувствуете, мистер Де Квинси? Могу я что-то сделать для вас? – спросил Беккер.

– Вы могли бы принести мне немного лауданума.

– Боюсь, что все лавки сейчас закрыты.

– К сожалению, действительно закрыты, – вздохнул Де Квинси и опустился на скамью.

– Спокойной ночи, – сказал сержант, оглянувшись на Эмили.

Она коснулась его руки.

– Мы очень благодарны вам, Джозеф.

Все еще чувствуя ее прикосновение, Беккер уменьшил свет лампы. Эмили укрыла отца одеялом, а затем улеглась сама. Сержант вышел из зала и прикрыл за собой дверь.

– Проследите, чтобы с ними ничего не случилось, – сказал он охраннику, стоявшему на улице. – Эти люди очень дороги для меня.

– Я с них глаз не спущу, – пообещал тот.

Темноту разрезал свет фонаря, быстро приближающегося к станции. Через мгновение на перрон взобрался Райан.

– Эмили и ее отец пытаются уснуть, – доложил Беккер.

– Сколько запросил хозяин меблированных комнат за подушки и одеяла?

– Два шиллинга.

Райан порылся в карманах и протянул Беккеру свою часть платы.

– Я стараюсь представить, что делал убийца после того, как сбросил жертву в тоннель, – признался Беккер.

– Очень хорошо, – похвалил его Райан. – Поставьте себя на его место. Думайте, как убийца.

– Он не рискнул бы спрыгнуть с поезда на ходу, особенно в такой темноте, не зная, куда приземлится.

– Согласен.

– Он должен был дождаться, когда поезд остановится, – предположил Беккер. – Эмили и ее отец позвали кондуктора, чтобы тот открыл купе. В наступившей суматохе убийца мог выйти через сломанную дверь с другой стороны поезда, а потом подняться на платформу и смешаться с толпой, делая вид, будто потрясен случившимся точно так же, как и все остальные.

– Значит, вы считаете, что убийца снова сел в поезд? – спросил Райан.

– Эмили рассказывала мне, что машинист очень спешил и боялся нарушить расписание. Возможно, убийца сейчас уже в Манчестере.

– Сомневаюсь.

– Почему? – удивился сержант уверенности своего коллеги.

– Вы помните, как выглядел отец Эмили сразу после убийства? – ответил Райан вопросом на вопрос.

Беккер мгновенно понял свою ошибку.

– Лицо мистера Де Квинси было все в крови.

– И убийца тоже был измазан кровью, – продолжил Райан. – Если бы он поднялся на перрон и попытался затеряться в толпе, на него обязательно обратили бы внимание.

– Но куда же он тогда делся?

Беккер молча проследил за взглядом Райана, устремленным на темную полосу леса за железнодорожными путями.

– Кто там? – послышался испуганный голос. – Отстаньте от нас, мы ничего плохого не делаем.

Как бы осторожно ни крался Беккер по лишенному листьев кустарнику, шорох веток выдал его. Он вышел на расчищенный участок и увидел в свете фонаря деревянный каркас недостроенного здания. Судя по грудам мусора, работы приостановили внезапно – вероятно, еще один разорившийся застройщик.

– Я сержант Беккер из Скотленд-Ярда.

– Скотленд-Ярд в Лондоне! – возразил другой голос. – Лучше скажите там, на станции, чтобы они нас не трогали. Мы ничего плохого не делаем. Наоборот. Мы следим, чтобы никто не растащил их кирпичи и доски.

Сквозь кусты пробился свет от фонаря Райана, идущего следом.

– Джентльмены, – начал инспектор, – мы бы рады были не будить вас, но нам нужна помощь.

– Слышал, он назвал нас «джентльменами». Вот потеха!

– Нам действительно нужна ваша помощь, – продолжил Райан. – За это мы попросим железнодорожное начальство, чтобы вам разрешили и дальше охранять это здание.

– И никто не будет гонять нас? – спросил тот же голос.

– Никто.

– А что за помощь?

Из темноты, прихрамывая, вышел мужчина в ужасных лохмотьях. Следом за ним из-под полуобвалившегося штабеля кирпичей вылез второй бродяга, такой худой, что одежда висела на нем, как на вешалке.

– Похоже, вы здесь неплохо устроились, – заметил Райан. – А что, если пойдет дождь?

– С дождем мы справимся. А вот с холодом ничего не поделаешь, – с хриплым придыханием ответил один из них. – Но нынче ночью Гарри крупно повезло.

– Да? И в чем же?

– Здесь проходил какой-то чужак.

– Вот как? – По примеру Райана, Беккер попытался скрыть свое нетерпение и говорил нарочито спокойным тоном.

– Он кое-что выбросил, пробегая мимо, – прохрипел в ответ один из бродяг и шагнул вперед. – Прямо перед кучей досок, под которыми я спал. Мне оставалось только протянуть руку.

Бродяга был довольно высокого роста. Длинные грязные волосы и густые бакенбарды не могли скрыть коросту на его лице. Он был одет в пальто на удивление отменного качества.

– Можно мне взглянуть на вашу находку? – попросил инспектор.

– Только с возвратом, – опасливо проговорил долговязый бродяга.

– Возможно, я смогу предложить вам кое-что взамен.

– Взамен, говорите?

– Да. – Райан навел на него фонарь. – На вашем пальто кровь. Много крови.

– Кровь? – вздрогнул бродяга. – Где? В последнее время я плоховато вижу.

– Он прав, Гарри, – подтвердил один из его товарищей. – Теперь, на свету, я и сам вижу: оно все в крови.

Гарри издал звук, похожий на всхлип.

– А я-то думал, мне наконец улыбнулась удача.

– Возьмите мое пальто, – предложил Райан. – Уверю вас, оно такое же теплое, как ваше, и к тому же на нем нет крови.

– Вы серьезно? Если мое пальто в крови, на меня могут напасть бродячие собаки, пока я сплю. Их здесь прорва, знаете ли, и я каждую ночь дрожу от страха.

– Возможно, мы и с этим что-нибудь сделаем – чтобы вам больше не было страшно, – пообещал Беккер. – Но сначала вы должны нам помочь. Кто-нибудь из вас видел того человека, что пробежал мимо?

– Я видел, – сказал бродяга, опирающийся на доску, словно на костыль. – По крайней мере, разглядел его фигуру. Ночь была лунная, и глаза у меня острее, чем у Гарри. Вот только бежал он очень быстро, и я мало что могу про него рассказать.

– Вы сами удивитесь, как много сможете рассказать о нем, – заверил его Беккер. – Какого он был роста – высокий или нет?

– Вроде бы высокий.

– Молодой или старый?

– Так быстро бегает только молодые.

– Худой или толстый? – продолжал допрос сержант.

– Толстый так бегать не станет.

– У него была борода?

– Не могу сказать.

– Лысый или нет?

– Тоже не знаю. Он был в шляпе.

– Я видел, как он мыл свои ботинки в ручье, чуть дальше по тропе. А потом протер их носовым платком, – добавил другой бродяга. – А еще, если припомнить хорошенько, он держал что-то в руке.

– Что он держал? – спросил Беккер.

– Кожаную папку для бумаг. Я раньше служил клерком в Сити. До того как... – Бродяга опустил голову, с грустью вспоминая прежние дни. – Одним словом, я помню, что такие папки носят люди из дельцов.

– И куда он побежал после того, как отмыл ботинки?

– Дальше вниз, по тропе.

– Вот видите, как много вы заметили, – похвалил их Райан. – А теперь скажите, джентльмены, вы доверяете друг другу?

– Приходится. Мы бродяжничаем вместе уже три месяца.

– Значит, я могу рассчитывать, что вы, получив от меня шиллинг, поделитесь с другими джентльменами. Этого должно хватить на то, чтобы побаловать себя чаем и хлебом с маслом и мармеладом в меблированных комнатах за железнодорожными путями.

– Хозяин подумает, что мы пришли попрошайничать, и прогонит нас, как всегда.

– Завтра не прогонит. Мы об этом позаботимся, – пообещал Райан. – Рады будем увидеться с вами в лучшие времена, джентльмены.

– Кажется, лучшие времена не за горами, раз нас уже называют джентльменами.

– Вы дали нищим денег на еду. Совсем как Эмили, – заметил Беккер, когда они двинулись дальше по темной тропинке.

– Три месяца назад я ни о чем таком и не подумал бы, – согласился Райан и вздрогнул, взглянув на испачканное кровью пальто, которое он повесил на локоть.

– Вот моя доля за чай и мармелад. Так мы скоро снова останемся без денег, – заключил сержант.

Они добрались до ручья, в котором убийца отмывал от крови свои ботинки, и осветили фонарями бревно, перекинутое через узкий поток. За ним начиналась грунтовая дорога с темнотой по левую сторону и огнями городка по правую.

– Куда теперь? – спросил инспектор.

– Вы остались без пальто всего десять минут назад и уже дрожите от холода, – ответил Беккер. – Сомневаюсь, что он пошел бы по дороге, рискуя замерзнуть до смерти.

– Он мог подойти к какому-нибудь жилью и спрятаться в сарае, – предположил Райан, чтобы испытать молодого коллегу.

– А еще он мог столкнуться с громко лающей собакой хозяина и двумя его крепкими сыновьями, которые заставили бы убийцу пожалеть о своем решении, – не согласился Беккер.

– Очко в вашу пользу, – кивнул его коллега.

Обрадованный похвалой, молодой человек продолжил:

– Куда проще вернуться в город и спрятаться там до прибытия утреннего поезда.

– А где он может спрятаться в городе?

– В каретном сарае или на конюшне. Там можно найти старый коврик или попону, чтобы закутаться в нее и согреться.

– А потом? – не унимался инспектор.

– Потом, как я уже сказал, он может купить билет и сесть в поезд, не привлекая к себе ничего внимания.

– Без пальто? В такой холод? Разве это не привлечет внимание?

Беккер мгновенно понял, к чему клонит Райан:

– Ну конечно! Убийце нужно...

Отчаянный звон колокола, раздавшийся со стороны города, не дал ему договорить. Вдалеке слышались крики.

Беккер рванул с места раньше Райана. Они перебрались через железнодорожные пути и поспешили к жилым домам, следуя за призывным набатом.

– Сюда! – определил инспектор.

Темный переулок освещало пламя пожара. Подбежав ближе, они поняли, что горела конюшня. Несколько мужчин заливали огонь водой из ведер, другие качали скрипучие рычаги помпы, соединенной с огромной бочкой на колесах. Еще двое держали пожарные шланги, пытаясь сбить пламя, с треском прорывавшееся сквозь крышу конюшни.

Улицу затянуло дымом. Детективы протиснулись сквозь взволнованно шушукующую толпу. Мужчины, женщины и дети поправляли натянутую впопыхах одежду.

Райан показал свой значок мужчине, который, судя по всему, был здесь главным.

– Что здесь понадобилось Скотленд-Ярду? – удивился тот.

Очевидно, он еще не слышал об убийстве в поезде, но инспектор был уверен, что это ненадолго.

– Что стало причиной пожара?

– Пока не знаю, но наверняка не ошибусь, если предположу, что все дело в горящей лампе.

Из толпы вышел еще один мужчина.

– Говорю вам, я не заглядывал в конюшню после наступления темноты. Даже близко не подходил к ней! И уж тем более с зажженным фонарем. Слава богу, я вовремя заметил огонь и успел вывести лошадь.

– Кто-нибудь пострадал? – спросил Беккер.

– Благодарение Господу, нет, – ответил тот, кто выглядел главным.

– Я имел в виду, не мог ли кто-то находиться в конюшне, намереваясь провести там ночь?

Хозяин дома и второй мужчина удивленно переглянулись.

– Думаете, кто-то мог прятаться внутри? – переспросил хозяин. – Я беспокоился только из-за лошади, но, кажется, там больше никого не было.

Второй мужчина подошел ближе к пожару.

– Из-за дыма не разглядеть, лежит там чье-то тело или нет.

– Чье-то тело? – охнула женщина из толпы.

– Мы точно не знаем, сударыня, – попытался успокоить ее хозяин дома.

– Есть ли в вашем городе магазин, торгующий мужскими пальто? – задал новый вопрос Райан.

– Чем это может нам помочь? – удивился тот, кто был за главного.

– Я содержу магазин одежды, – отозвался мужчина с вытянутым, обеспокоенным лицом и очками на носу. Рядом с ним стояли испуганная женщина и двое ребятишек.

– Покажите нам его, – распорядился Райан.

– Вы хотите приобрести пальто? В такое время? – изумился мужчина. – Но у вас уже есть одно! То, что висит у вас на руке.

– Это вещественное доказательство, так что мне действительно нужно пальто. Где находится ваш магазин?

– Там, за углом. – Сбитый с толку мужчина двинулся вперед, показывая дорогу, жена и дети шли следом. – Мы живем на втором этаже. Когда зазвонил колокол, я уже спал. Сначала я испугался, что это у нас пожар, но потом выяснилось, что горит конюшня на соседней улице.

Он указал на скромный двухэтажный дом с лестницей на заднем дворе. Ни в одном окне не горел свет.

– У вашего магазина есть черный ход? – спросил Райан.

– Да, но он запирается изнутри. Войти можно только через парадную дверь, открыв ее вот этим ключом.

– И все же я хотел бы осмотреть черный ход, – упрямо заявил Райан. – Беккер...

– Я позабочусь о леди и ее детях, – заверил сержант.

Женщина с благодарностью взглянула на него.

Райан с хозяином обошли дом сзади. Инспектор осветил фонарем дверь.

– Окно разбито! – воскликнул хозяин.

Дверь была приоткрыта. Райан распахнул ее и взгляделся в темноту.

– Держитесь позади меня, – велел он хозяину.

Фонарь разогнал тени в магазине. Повсюду на крючках висели сюртуки и пальто. Порой они напоминали силуэт человека, но, кто бы ни ворвался в магазин, он наверняка не собирался задерживаться здесь. Тем не менее Райан с осторожностью двинулся между прилавками.

– Мы не слышали, как разбили стекло, – произнес хозяин у него за спиной.

– И не могли слышать, потому что звенел колокол и кричали соседи, – объяснил Райан. – Вор поджег конюшню, затем дождался, когда вы вместе с семьей выйдете из дома и отправитесь посмотреть, что произошло, и затем проник внутрь.

– Это все проклятая железная дорога, по которой воры так легко добираются к нам из Лондона.

– У вас что-нибудь украли?

– Дела идут неважно, так что я молю Бога, чтобы ничего не пропало... Бог мой! – вдруг воскликнул хозяин. – Вор ведь мог забраться и в жилые комнаты!

С этими словами он выбежал из магазина.

Прислушиваясь к торопливым шагам на лестнице, Райан почувствовал, что замерзает. Он подошел к стойке с бесформенными пальто, какие обычно носят рабочие, и выбрал одно неброского темно-синего цвета. Затем положил измазанное кровью пальто на пол, надел шерстяную обновку и наконец-то снова ощутил тепло.

– Дверь наверху не тронута, – учащенно дыша, сообщил вернувшийся хозяин. – По крайней мере, он не...

Тут он заметил, что Райан надел одно из его пальто, и не сдержал огорченного вздоха, решив, что на нем пытаются нажиться.

– Сколько оно стоит? – спросил инспектор.

– Э-э... для Скотленд-Ярда? Бесплатно, – немного смутившись, ответил хозяин.

Райан заметил ценник рядом со стойкой и вытащил из кармана последний соверен вместе с горсткой монет меньшего достоинства.

– Этого хватит?

– О, благодарю вас, – с облегчением пробормотал торговец.

– А теперь покажите мне ваши лучшие пальто – те, что могли бы купить пассажиры, приехавшие первым классом.

– Вот они. – Хозяин подвел инспектора к другой стене. – Стойте. Этот крючок не был пустым, когда я закрывал магазин. Мое самое дорогое пальто исчезло!

Лошадь дернулась в сторону, и кебмен вскинул голову. Он изо всех сил пытался не задремать, но в такой поздний час, да еще на пустынной дороге трудно было не поддаваться искушению.

Животное выровняло свой бег по накатанному щебню. Луна и звезды помогали фонарю освещать дорогу и канавы по обе ее стороны.

Кебмен выпрямился на своем насесте позади двухколесного экипажа, стараясь взбодриться. Ночная поездка оказалась прибыльной – целых четыре фунта. Обычно он был счастлив, если, накормив лошадь и заплатив за место в конюшне, мог положить себе в карман хотя бы несколько шиллингов.

По сравнению с суматохой разъезжающихся по домам театралов на Стрэнде эта работа была просто отдыхом, но приходилось следить за тем, чтобы не уснуть и не отпустить поводья, иначе такой удачный день может обернуться падением в канаву и свернутой шеей.

Усталое животное продолжало плестись вперед, стуча копытами в таком размеренном, завораживающем ритме, что веки кебмена опять начали слипаться.

Он с усилием открыл глаза и подумал о брате, который – как он и сказал полицейским – завербовался в армию, чтобы не помереть с голоду, и теперь беднягу отправили воевать в Крым. Прошло уже два месяца кровопролитных сражений, а от него до сих пор нет никаких известий, жив ли он вообще или...

Возница резко подался вперед, уставившись в небольшое окошко, позволяющее следить за тем, что происходит внутри экипажа.

Свет падал так, что видна была лишь небольшая часть салона, но он ясно разглядел шляпу.

Цилиндр.

На чьей-то голове.

– Что за чертовщина? – Кебмен открыл окошко. – Как вы там очутились?

Пассажир отодвинулся в угол так, чтобы возница не мог видеть его лицо.

– Я заметил ваш кеб на дороге. Так уж вышло, что мне тоже нужно вернуться в Лондон. Но вы так мирно спали, что я решил не будить вас, а просто забрался в экипаж.

Возница разглядел дорожное пальто на плечах пассажира.

– Отсюда? Ночью?

– Готов признать, что обстоятельства достаточно необычны.

– Еще бы! Почему же вы не дождались утреннего поезда?

– Ну хорошо... – Джентльмен смущенно кашлянул. – Видите ли, откровенно говоря, здесь замешана женщина... и ее муж, неожиданно приехавший последним поездом из Лондона. Мне пришлось поспешно уйти. А он переполошил весь город, разыскивая меня. Спрятаться было негде, и я решил, что пешая прогулка до Лондона пойдет мне на пользу.

– Целых десять миль по такой темноте и холоду?

– Иначе было бы еще хуже. И тут, словно видение, появляетесь вы. Я готов заплатить два соверена, чтобы вы довезли меня до Лондона.

– Три соверена, – сказал осмелевший кебмен.

Джентльмен вздохнул и протянул в окошко три монеты.

Возница беззвучно ликовал. Итого семь соверенов! Ночь в самом деле выдалась удачной.

Опущенный шлагбаум на заставе перегораживал дорогу. В будке неподалеку дремал на стуле сторож. В прежние времена сборщики пошлины спали в доме рядом с дорогой, полагаясь на то, что добросовестные ночные путешественники сами бросят шестипенсовую монету в ящик. Тем более что по ночам тогда ездили редко, и даже если кто-то пробирался в город без оплаты, большой потерей это не было. Но с появлением железных дорог экипажей даже днем стало значительно меньше, чиновники из дорожного ведомства уже не могли допустить, чтобы их лишали дохода случайные ночные ездоки, и поэтому сторожу на заставе приказано было спать прямо в будке.

Он проснулся от топота копыт и скрипа колес, позевывая вышел из сторожки, снял со шлагбаума фонарь и поднял повыше, подавая экипажу, который оказался наемным кебом, знак остановиться.

– Вы уже проезжали здесь чуть ранее, – вспомнил сторож.

– А теперь еду домой спать. Неплохая ночка выдалась. Я даже нашел пассажира на обратную дорогу.

– В такое время? – Сторож направил фонарь на экипаж и заглянул внутрь. Пассажир тут же отвернулся, защищая глаза от яркого света. – Если джентльмену приходится путешествовать среди ночи, для этого должна быть серьезная причина.

– И весьма деликатная, – ответил пассажир, по-прежнему отводя взгляд.

– Деликатная? Я бы не отказался послушать, в чем... Скажите, вы не ранены?

– С чего вы взяли?

– У вас кровь на отвороте брюк.

– Кровь?

Сторожа удивило, что пассажир даже не взглянул на брюки.

– Нет, это вино, – объяснил джентльмен. – Я случайно пролил его, но был уверен, что хорошо почистил брюки.

– А по мне, так больше похоже на кровь.

– Может быть, это сделал муж той леди, когда увидел вас? – с усмешкой предположил кебмен со своего насеста.

– Муж той леди? – переспросил сторож, просунул голову в кабину и наконец-то смог как следует рассмотреть пассажира.

Уже испачкав кровью одно дорожное пальто и приложив немало усилий, чтобы найти ему замену, хорошо одетый пассажир решил теперь воспользоваться тупым концом ножа. Он ухватил сторожа за шею и несколько раз ударил рукояткой ножа ему в висок, проломив хрупкие кости, так что осколки вдавились в мозг.

Сильные пальцы сдавили горло, чтобы оттуда не вырвался крик о помощи. Сторож упал, но пассажир успел подхватить его фонарь.

– Что там у вас стряслось? – спросил возница.

– Не знаю. Кажется, он потерял сознание. Сейчас спущусь и помогу ему.

Однако, выйдя из экипажа, пассажир поставил фонарь на землю и быстро забрался на сиденье кебмена.

– Что вы делаете? – крикнул возница, судорожно вцепившись в поводья.

Пассажир проломил череп рукояткой ножа и ему. Затем сбросил труп вниз, снял с него шляпу и плащ и затащил в будку сторожа. Туда же он оттащил тело и первой своей жертвы.

Покончив с этим делом, он надел шляпу кебмена и закутался в плащ, скрывая свою дорогую одежду. Затем поднял шлагбаум, повесил на место фонарь, взял лошадь под уздцы и провел мимо заставы. Опустив шлагбаум, он забрался на место кебмена и продолжил путь в Лондон сквозь пелену утреннего тумана.

В такой ранний час мало кто видел, как он проезжал мимо фабрик и трущоб городского предместья. А те, кто все же попадался ему навстречу, заметив фонарь кеба, решали, что какой-то трудяга возвращается домой после долгой ночной поездки.

На пустынной улице, неподалеку от того места, куда ему нужно было попасть, он спрыгнул с насеста. В кармане плаща звякнули монеты, он пересчитал деньги – там оказались те три соверена, что он дал кебмену, и еще четыре других.

Эти монеты ничего для него не значили. То, чего он желал, не купишь ни за какие деньги. Тем не менее он забрал эти соверены, чтобы ввести в заблуждение полицию. И тут же рассердился на себя самого, сообразив, что должен был украсть деньги из ящика для пошлины, чтобы представить дело как ограбление. А в купе поезда он совершил еще большую ошибку, не прихватив с собой золотые часы жертвы.

В ярости он забросил шляпу и плащ кебмена в экипаж. Затем надел свой цилиндр и слегка подтолкнул лошадь, чтобы она увезла пустой кеб подальше отсюда, а сам мгновенно растворился в темноте. Ночь еще не кончилась, и сделать предстояло немало.

Глава 3

Центр мира

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Я проснулась под пыхтение поезда, приближающегося к станции. На соседней скамейке стоял чайник с чаем, а рядом с ним лежали хлеб, масло и мармелад.

Надо полагать, подарки от Шона и Джозефа, с улыбкой решила я, а затем взглянула туда, где спал отец, но увидела только пустую подушку.

Движение за окном привлекло мое внимание. В бледном утреннем свете отец расхаживал по перрону, дыхание вырывалось паром у него изо рта, он кутался в одеяло.

Шон и Джозеф тоже были на перроне, с усталым напряжением в лицах изучая людей, ожидавших посадки на ранний поезд.

Рядом с полицейскими стоял худой и несколько нервный мужчина в очках, но его, похоже, интересовали лишь пальто пассажиров. Не то чтобы на станции было много людей. Их беспокойные взгляды заставляли предположить, что они уже слышали о ночном убийстве и сомневались, разумно ли подвергать себя опасности повторения ужасных событий.

Большие часы на стене зала ожидания показывали двадцать минут седьмого, когда поезд, закрипев тормозами, медленно остановился и клубы паровозного дыма рассеялись.

Я выглянула в окно, и была крайне поражена увиденным. В столь ранний час я не ожидала увидеть многих пассажиров, прибывших лондонским поездом. Но стоило кондуктору открыть двери вагонов второго и третьего классов, как оттуда, с одинаковым выражением азарта на лицах, вырвались дюжины мужчин. Они набрасывались с вопросами на всех, кого видели: на Шона, Джозефа, городского констебля, на людей, ожидавших посадки на поезд, и даже на юного носильщика.

– Что вы знаете об убийстве?

– Кого убили?

– Его зарезали? Кто-нибудь видел убийцу?

– Тот коротышка с одеялом. Это же Любитель Опиума! Он знает об убийствах больше, чем Скотленд-Ярд!

Газетчики набросились было на отца, но Шон и Джозеф, заслонив его собой, увели в зал ожидания. Однако почти тут же вернулись на платформу. Их внимание привлек одинокий человек, вышедший из купе первого класса.

Плечи мужчины сутулились, создавая впечатление, будто он несет тяжкий груз. Длинные седые бакенбарды подчеркивали его изможденный вид. Я знала, что ему пятьдесят восемь лет, но выглядел он старше, и по опыту общения с ним во время опасных событий в декабре, а затем и в феврале я понимала природу лежавшего на нем бремени. Это был сэр Ричард Мэйн, возглавлявший Службу столичной полиции уже двадцать шесть лет, с самого момента ее основания. Без этого человека не существовало бы детективного отдела Скотленд-Ярда, который он самолично создал тринадцать лет назад. Никто не сделал больше его для охраны правопорядка в Англии. Но все имеет свою цену. Он до сих пор еще не оправился после нападения на него и его семью шестью неделями ранее.

Два констебля из вагона второго класса присоединились к комиссару. Когда репортеры узнали Мэйна, он стал следующей мишенью для торопливых расспросов.

– Кто убийца?

– Кого же он убил?

– Сколько раз жертву ударили ножом?

Шон и Джозеф заслонили комиссара так же, как раньше моего отца, и проводили в зал ожидания. Лондонские констебли остались снаружи, удерживая газетчиков.

– Сэр, я не ждал, что моя телеграмма доберется до вас так быстро, – сказал Шон, прикрывая дверь. – И не ждал, что журналисты так быстро прознают об убийстве.

Телеграфный участок на станции запирали на всю ночь, но оказалось, что собственный телеграф железнодорожной компании работал круглосуточно, так что по нему всегда можно было передать сообщение в случае крайней необходимости.

– Я предположил, что вы захотите быть в курсе происходящего, – продолжил Шон. – Хотя убийство произошло вдали от столицы, оно все же затрагивает и Лондон.

Комиссар Мэйн мрачно кивнул:

– Первое убийство в поезде. Я предупредил министра внутренних дел и премьер-министра. Преступления такого рода влияют на всю страну. Когда сообщения об убийстве появятся в газетах, начнется паника. Мы должны заверить всех, что железнодорожные путешествия по-прежнему безопасны, и нет для этого лучшего способа, чем задержать убийцу как можно скорее.

– Мы получили примерное описание нападавшего: молодой, высокий и худой, – сказал Джозеф комиссару. – Не так много, но лучше, чем ничего. У нас есть запачканное кровью пальто убийцы. Местный торговец сумел определить, какое из дорогих пальто мог украсть преступник взамен утраченного. Мы проверяем всех, кто ждет посадки на поезд.

– А если он предположил, что вы так и поступите? – спросил комиссар Мэйн.

– Не так много способов покинуть это место, – ответил Шон, опередив Джозефа. – Мы предупредили возниц, чтобы те сообщали нам о всяком, кто захочет их нанять. Была еще двуколка, которая привезла нас из Лондона, но станционный охранник убедился, что она пуста, прежде чем кучер отправился назад.

– Иммануил Кант, – произнес отец.

Все повернулись в ту сторону, где он дрожал под своим одеялом. Они, наверное, думали, что отец до сих пор мерзнет, но я знала, что у этой дрожи иная причина. И словно в подтверждение моих мыслей, отец вынул маленькую бутылочку с лауданумом из-под одеяла.

– Отец, где ты это взял?

– Купил в меблированных комнатах через улицу.

Страдание на его лице разрывало сердце.

– Пожалуйста, отдай мне остальные деньги, что прислал издатель.

Отец рассеянно повиновался.

– Иммануил Кант, – повторил он. – Великий философ спрашивал: существует ли объективная реальность...

– Или же все это просто проекция нашего сознания, – быстро закончил за отца Шон. – Мы слышали эту цитату не единожды.

– Минутой назад, инспектор, вы сказали, что мы далеко от Лондона, но в моей молодости те же самые десять миль были гораздо длиннее, – сказал отец.

– Не может быть, – возразил комиссар Мэйн. – Десять миль не могли растянуться.

– Поразительная скорость поездов приучила нас к мысли, что единственный способ передвижения – самый быстрый, – ответил ему отец. – Десять миль за двенадцать минут мы называем короткой поездкой. Но в эпоху почтовых дилижансов короткой поездкой считали десять миль за час, а до почтовых дилижансов короткой поездкой были десять миль за два часа. Теперь кажется, что два часа для такого расстояния – чрезмерно долго. Но только если ваша реальность – это эпоха железных дорог.

– Вы хотите сказать... – Джозеф замешкался, следуя за отцовской логикой, – что убийца ушел пешком?

– Пешком? До самого Лондона? – в недоумении спросил комиссар Мэйн. – Джентльмен никогда и не подумает о подобном.

– А если и подумает, то вряд ли одолеет такое расстояние, – добавил Шон.

– Это означает, что убийца – не тот, за кого себя выдает, – сказал отец. Под толстым одеялом он казался еще меньше обычного. – Возможно, будет полезно навести справки на заставе у лондонской дороги. Спросите, не проходил ли там прилично одетый мужчина около часа ночи.

Кто-то постучал в дверь. Это оказался местный констебль, которому удалось проваться через газетчиков в зал. Он закрыл нас своей спиной от целого шквала вопросов.

– Инспектор, мы нашли это в сгоревшей конюшне.

Констебль держал предмет, который я сначала не узнала. Потом поняла, что это были обуглившиеся и сморщенные останки кожаной папки для документов.

Клапан почти оторвался, когда Шон открыл ее.

– Есть что-нибудь внутри? – спросил Джозеф.

– Нет.

– Ничего? – Отец подошел ближе. – Даже пепла от сгоревших бумаг?

– Совершенно пусто.

– Но жертва не стала бы утруждать себя перевозом папки, если бы та была пуста, – твердо сказал отец.

– Инспектор, кое-что еще, – произнес констебль. – Эта телеграмма прибыла из Скотленд-Ярда. Не знаю, имеет ли она отношение к тому, что здесь произошло, но я подумал, что вы должны ее увидеть.

Будто предчувствуя недоброе, Шон развернул послание.

Впервые за этот напряженный разговор у комиссара Мэйна был шанс повернуться ко мне.

– Простите, Эмили, что не поприветствовал вас как подобает. – Оценив мою измазанную сажей одежду, он спросил: – Вы пострадали?

– Нет, но благодарю вас за заботу, комиссар.

– Мы доставим вас в Лондон как можно скорее.

– К сожалению, это будет не так скоро, как вам бы хотелось, Эмили, – сказал Джозеф. – Если вы не против, мы бы хотели попросить вас с отцом задержаться, пока полуденный поезд не привезет вагон, в котором произошло убийство. Нам бы очень помогло, если бы вы сумели определить, не изменилось ли что-нибудь в злосчастном купе. В противном случае мы можем прийти к ложным выводам.

– Если мы не против? – переспросил отец. – Я и думать не могу ни о чем другом.

– Шон? – Я заметила, что он выглядел более обеспокоенным после прочтения телеграммы. – Случилось что-то еще?

– На заставе за Лондоном нашли тела возницы и сторожа, – с застывшим лицом ответил он. – Здеешнюю полицию просят следить за любыми подозрительными личностями, которые прибудут в этом направлении.

– Но убийца отправился в Лондон, а не из него, – сказал отец, вертя в руках бутылочку с лауданумом. – Должно быть, он ушел пешком еще до того, как кеб уехал со станции. А когда наконец повозка нагнала его, он ее захватил.

– Надо полагать, он убил возницу и сторожа, чтобы они не смогли опознать его. Тут нет никакой тайны, – заявил комиссар Мэйн. – Но почему же он напал на человека в поезде?

– На первый взгляд, мотивом было ограбление, – ответил Шон. – Карманы жертвы вспороты. Его кошелек и все монеты или банкноты, что он мог везти с собой, пропали.

Единственные предметы, что я у него нашел, – это ключ от часов и билет до Седвик-Хилла, следующей остановки поезда.

– Я отправлю туда констебля, чтобы опросить местных жителей: не собирался ли кто-то приехать вчера, но так и не появился, – сказал комиссар Мэйн. – Это может дать нам имя жертвы.

Отец отпил из своей бутылочки.

– Но кража денег и прочих ценностей не была мотивом.

– Так и есть. – Шон достал из кармана брюк хронометр Бенсона и показал его комиссару Мэйну. – Мистер Де Квинси нашел это на месте убийства.

Комиссар с изумлением посмотрел на диковинку.

– Я за всю жизнь видел лишь с полдюжины таких.

– Во время борьбы хронометр сорвался с цепочки, – объяснил Шон. – Почему же убийца не осмотрел купе, прежде чем сбежал? Правда, скупщики драгоценностей могли заподозрить, что часы краденые, и не взять их, опасаясь неприятностей с полицией. И все равно, разве мог вор не поддаться соблазну хотя бы полюбоваться ими какое-то время? – Шон повертел драгоценный предмет в руке, восхищаясь его блеском. – Нет. Убийца хотел, чтобы мы поверили, что мотивом было ограбление. Но человека из поезда он убил по другой причине.

Комиссар Мэйн сел на следующий поезд до Лондона, забрав с собой окровавленное пальто, чтобы кто-нибудь из детективов показал его столичным владельцам магазинов дорогой одежды и, возможно, узнал бы имя покупателя. Несмотря на усталость, Шон и Джозеф ждали на платформе полуденный поезд из Манчестера. На случай если убийство на заставе не имеет ничего общего с человеком, на которого шла охота, они с нервным торговцем пальто упорно всматривались в тех немногих пассажиров, что садились в более поздние поезда.

Улучив момент, когда торговец не был занят, я дала ему часть денег, полученных от издателя, и попросила принести нам с отцом самые практичные и недорогие пальто, какие только у него есть. Казалось, он был благодарен мне за эту покупку.

Наконец прибыл полуденный поезд из Манчестера. Шон, Джозеф, лондонские констебли и станционные охранники образовали проход, чтобы мы с отцом смогли протиснуться сквозь шумную толпу репортеров.

– Как звали убитого? – выпалил один из них.

– Где тело? – крикнул другой.

Едва колеса со скрипом остановились и дым развеялся, я смогла разглядеть вагоны первого класса. Тот, в котором произошло убийство, был замечен сразу.

– Нет, только не это! – произнесла я с тревогой.

За время долгого пути вагон развернули, так что теперь окно с засохшей кровью оказалось с той стороны, что обращена к перрону.

Репортеры напирали, чтобы лучше разглядеть запекшиеся пятна.

Сквозь толчею из тормозного вагона позади состава торопливо пробирался кондуктор. Это был тот же человек, что говорил с нами накануне вечером.

От быстрого бега он закашлялся.

Не обращая внимания на жетоны, что показали ему Шон и Джозеф, он повернулся ко мне:

– Очень жаль, мисс. Я пытался делать то, что вы говорили. Послал телеграмму в Скотленд-Ярд. Сделал все возможное, чтобы держать всех подальше от купе, но их было невозможно остановить.

– Остановить кого?

– Мисс, вы же знаете, замок был сломан. Я не мог уследить за всеми, кто пытался открыть дверь, и...

Я посмотрела вниз, на металлическую подножку, кровь на которой прошлой ночью оставалась нетронутой. Теперь на ней был явный отпечаток ботинка, и когда кондуктор распахнул дверь в купе, там тоже оказались следы ботинок в засохшей крови. Диванные подушки пропали.

– Что, скажите на милость, здесь случилось? – спросила я.

– Первое убийство на английском поезде, мисс. Шляпа, зонтик, подушки, коврик. Я делал все, что мог, но все разобрали на сувениры.

Из всей нашей компании только у меня были средства на покупку билетов до Лондона. Мы с отцом оставляли следы сажи на всем, к чему прикасались, и поэтому пришлось ехать в купе второго класса, где не было подушек, которые пришлось бы потом чистить. По правде говоря, учитывая наши долги, второй класс был для нас слишком дорогим удовольствием, но Шон и Джозеф не спали почти всю ночь, и мне хотелось уберечь их от поездки на ногах в вагоне третьего класса, которую оплатил бы полицейский департамент. Они настаивали на возмещении наших убытков, но я отклонила их предложение, памятуя о том, как быстро и щедро они потратили свои премии. Щадя их гордость, я заверила наших друзей, что использовала часть из тех пяти соверенов, что дал нам лорд Палмерстон.

Я разделила жесткую скамейку с Джозефом, а Шон устроился рядом с отцом.

Ключ кондуктора щелкнул, запирая нас внутри, и мое сердце забилося быстрее. Дернувшись, поезд отошел от станции.

– Не хочу даже думать о панике, что начнется, когда люди прочтут завтрашние газеты, – сказал Шон. – Все поезда будут пустыми.

– Один из репортеров задал любопытный вопрос, – вспомнила я.

– Да? И какой же, Эмили?

– Он хотел знать, что случилось с трупом.

Три месяца назад я и представить себе не могла, что окажусь в обстоятельствах, требующих обсуждения подобных тем.

И Шон, без сомнения, не представлял столь откровенного разговора с представительницей противоположного пола. Но он больше не выглядел смущенным.

– Я попросил местного гробовщика положить труп в гроб и спрятать в своей конторе. Сегодня утром гроб погрузили в багажный вагон поезда, который увез комиссара Мэйна обратно в Лондон. Сосед гробовщика сопровождал тело. Он надел черную повязку и притворился скорбящим сыном на случай, если журналисты поинтересуются, чей это гроб. К этому времени тело должно уже находиться в Вестминстерской больнице, где комиссар Мэйн инструктирует хирургов, чтобы они подмечали все, что может хоть что-то рассказать нам об убийце. Например, с какой стороны нанесены удары. Это даст возможность узнать, был ли убийца левшой или правшой.

Когда грохочущий поезд начал плавный поворот, я схватилась за один из ремней, свисавших с потолка. Вагон, казалось, готов был слететь с рельсов в любую минуту.

Отец вынул из кармана свою бутылочку с лауданумом.

– Двадцать пять лет назад, в день открытия железнодорожного сообщения между Ливерпулем и Манчестером началась новая эпоха. – Он сосредоточился на этикетке со скрепленными костями, словно читал с листа. – Историк упомянул зуйка, что мчался рядом с этим новым, изрыгающим дым чудовищем. Птица что есть силы махала крыльями в отчаянной попытке соперничать со все возрастающей скоростью паровоза, но ее усилия были тщетны. Осознав, сколь велика перемена, произошедшая в мире, птица оставила погоню и

нашла утешение в ближайшей роще. Когда весь мир ускоряется, возможно, нам всем требуется утешение в роще.

– Боже милосердный, посмотрите, на кого вы похожи! – воскликнул лорд Палмерстон, торопливо спускаясь по лестнице. – Я немедленно сообщил обо всем в Букингемский дворец, как только услышал об убийстве в поезде. Ее величество и его королевское высочество потрясены. Теперь нигде нельзя будет чувствовать себя в безопасности. Королева и принц беспокоятся за вас. Что случилось с вашими пальцами? Они все, – он невольно вздрогнул, – в ссадинах.

– Милорд, нам пришлось бросать камни в одичавших собак, – объяснил Де Квинси.

– Что?

– Мы защищали труп, лежавший в железнодорожном тоннеле, но собаки не отступали, и тогда мы подожгли свои пальто.

– Дикие собаки? Труп? Подожгли свои... – Лорд Палмерстон простонал. – Я обещал ее величеству и его королевскому высочеству заботиться о вас. Если они увидят вас в таком состоянии, то обвинят во всем меня. – Он обернулся к слуге. – Проводите мистера Де Квинси и его дочь наверх. Приготовьте для них горячую воду. Им нужно привести в порядок свою одежду. Позовите кого-нибудь из служанок, пусть поможет им смыть сажу с волос. И побыстрее. Королева обещала заехать ко мне при первой же возможности.

– Лорд Палмерстон, моему отцу нужно отдохнуть, – вмешалась Эмили. – Инспектору Райану и сержанту Беккеру это тоже не помешало бы.

– Благодарю вас, но мы отдохнем, как только у нас будет время, – ответил Райан. – А сейчас мы должны отправиться на Лудгейт-хилл.

В названии улицы² сохранилась память о действительно находившемся на этом месте въезде в древнеримское поселение Лондиниум. Стены его давно исчезли, и теперь здесь располагался самый престижный район города, известный как Сити.

Хотя Сити был составной частью Большого Лондона, в этом районе действовала собственная полиция, так что сотрудники Службы столичной полиции не имели здесь никаких полномочий.

Райан и Беккер прошли мимо редакций «Таймс», «Морнинг кроникл» и других газет на Флит-стрит. Утренние выпуски, несомненно, усилят тревогу в городе.

На углу стоял констебль, наблюдая за порядком на своем участке.

– Думаю, никто не станет возражать, если мы зададим здешним обитателям два-три вопроса, – сказал Райан своему молодому коллеге. – Но лучше все-таки получить официальное разрешение.

Он подошел к констеблю и показал свой жетон.

– Нам нужно кое с кем поговорить в вашем районе. Вы не проводите нас до одной мастерской?

Констебль с нерешительным видом посмотрел на него.

– Наш комиссар все уладит с вашим начальством, даю слово, – пообещал Райан. – И это весьма занятная мастерская.

Они втроем вышли на узкую, короткую улицу, по которой погонщик вел стадо коров сквозь толчею повозок, кебов и omnibuses.

Это и была Лудгейт-хилл, над дальним концом которой возвышался купол собора Святого Павла. Но Райана и Беккера больше интересовали вывески над магазинами.

² Лудгейт (англ. Ludgate) – буквально «ворота Луда». Улица названа в честь легендарного короля бриттов Луда, якобы основавшего Лондон.

– «Аптека Ллойда», «Сигары и первоклассный табак Грейсона», «Дамские шляпки Брайанта», – бормотал себе под нос Беккер. – Вот она.

Д. У. БЕНСОН
ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЧАСОВ И ХРОНОМЕТРОВ
В ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ КОРПУСАХ
ЛЮБОГО ВИДА ПО ОПИСАНИЮ ИЛИ ОБРАЗЦУ

Окна по обеим сторонам от входа закрывали решетки. За ними, на покрытом голубым фетром прилавке, были разложены золотые и серебряные часы.

– Как? Вам нужна именно эта мастерская? – удивился констебль.

– Я же говорил, что будет занято, – напомнил Райан.

Он открыл дверь, над головой прозвенел колокольчик, и добротный одетый приказчик, старательно протирающий прилавок, поднял голову. При виде скромных нарядов детективов заинтересованность на его лице сменилась равнодушием.

Затем он увидел входящего следом констебля и постарался изобразить улыбку:

– Добрый день.

– Здравствуйте, – отозвался Райан, вместе с Беккером и констеблем восхищенно осматриваясь вокруг. Уличный шум не мог заглушить тиканье часов, что раздавалось буквально со всех сторон. – Не могли бы вы мне рассказать вот об этом?

Райан выложил на прилавок золотой хронометр. Увидев часы, приказчик распрямылся и с подозрением покосился на рыжие, как у любого ирландца, волосы, выглядывающие из-под кепи Райана.

– Откуда он у вас?

– Это дело полиции, поэтому я и попросил, чтобы меня сопровождал констебль.

Клерк бережно взял часы и повертел перед глазами.

– Надеюсь, это не запекшаяся кровь? Кто посмел так обращаться с этими превосходными часами?

– Именно это мы и хотели бы узнать, – ответил Райан.

Приказчик поднес к корпусу часов лупу.

– Под кровью видна царапина, – потрясенно проговорил он.

– Да, это след от ножа.

Приказчик неприязненно взглянул на шрам, красующийся на подбородке Беккера, словно подозревая его в этом кощунстве.

За прилавком открылась дверь, и в комнату вошел чисто выбритый мужчина приятной наружности, лет тридцати. Из ярко освещенного помещения за дверью доносилось легкое позвякивание. Облаченные в фартуки мастера сидели за рабочими столами и, всматриваясь в закрепленные на них линзы, обрабатывали, замеряли и шлифовали крохотные металлические детали.

Молодой человек, который тоже был в фартуке, носил очки с необычайно толстыми стеклами.

– О, мистер Бенсон, вы наверняка захотите взглянуть на это, – обратился к нему приказчик.

– Так вы и есть Уильям Бенсон? – воскликнул Райан.

Молодой человек заметил констебля и нахмурился.

– А в чем, собственно, дело?

– Простите, я просто не думал, что вы еще так молоды, – ответил Райан.

– Мои отец и дед были часовщиками. За любым изделием нашей фирмы стоит опыт работы длиной в сто лет. Пусть вас не смущает мой возраст.

– Они принесли вот этот хронометр, – объяснил приказчик.

– Со следами запекшейся крови? – с беспокойством отметил Бенсон, которому хватило одного взгляда, чтобы оценить часы. – Это наша лучшая модель. Тринадцать камней.

– Камней? – переспросил Беккер.

– Да, рубинов.

Бенсон достал из кармана передника маленькую отвертку, вставил в щель корпуса и открыл его, демонстрируя завораживающую работу часового механизма.

Райан, Беккер и констебль замерли в восхищении. Бесчисленные шестеренки казались живыми, рычажки напоминали руки, а негромкое тиканье походило на биение сердца.

– Все равно что живое существо, – похвастался Бенсон. – Но там, где металлические части трутся одна об другую, они быстро изнашиваются. Поэтому мы устанавливаем рубины в каждой точке такого контакта.

Бенсон отметил положение стрелок на стоящих в углу высоких напольных часах в дубовом корпусе и сравнил со временем на хронометре.

– Каждое утро мы получаем точное время из Королевской обсерватории. Эти часы опаздывают на одну минуту, и это означает, что их давно не заводили.

– Вот ключ, – произнес Райан.

Ключ, как и сами часы, был изготовлен из золота. Бенсон открыл заднюю крышку корпуса, вставил ключ в одно маленькое отверстие, затем в другое, каждый раз осторожно поворачивая его.

– В этом деле важно остановиться, как только почувствуешь легкое сопротивление.

Он вытащил головку часов и подвел минутную стрелку.

– При надлежащем обращении мои хронометры должны пережить своих хозяев, – заявил Бенсон. – Но, учитывая следы крови и ваше появление здесь, я подозреваю, что этот хронометр пережил своего хозяина несколько раньше, чем предполагалось.

Судя по тону, он не отказался бы послушать кровавые подробности преступления.

– Сожалею, но я не имею права рассказывать об этом, – сказал Райан.

– Разумеется, – с разочарованным видом согласился Бенсон. – Эти часы куплены не раньше чем три месяца назад. Чтобы это определить, мне не нужно даже узнавать их серийный номер. На крышке выгравированы только мои инициалы, и это означает, что компания принадлежит мне одному. Изменение произошло совсем недавно. До января мой брат был ее совладельцем.

– Вы можете сказать, кто купил эти часы?

– Несомненно.

Бенсон открыл дверь в кабинет с табличкой «Служебное помещение». Там он снял с полки длинный деревянный ящик с картотекой.

– Рядом с серийным номером стоит имя покупателя. – Бенсон пробежался пальцами по карточкам и вытащил одну из них. – Имя джентльмена, который приобрел этот хронометр, – Дэниел Харкерт.

– На карточке не указано, где он живет?

– Нет, но он оставил адрес своей конторы. – Торжественный тон Бенсона как бы подчеркивал престижность адреса. – Она находится на Ломбард-стрит.

Как только Райан и Беккер вышли на улицу, шум и толчея снова обрушились на них.

Сержант ничуть не удивился, когда коллега предложил ему новое испытание.

– Мы только мельком видели работников из мастерской Бенсона. Вы не заметили в них ничего необычного? – спросил инспектор.

– Все они были в фартуках, доходивших до подбородка, – ответил Беккер.

– Какие фартуки?

– Кожаные.

– Из какой кожи? – не унимался Райан.

– Из лощеной.

– Почему же именно из лощеной? – продолжал допытываться инспектор. – И не показалось ли вам что-нибудь необычным в лицах работников?

Сержант задумался.

– Они все чисто выбриты. Как и сам Бенсон. Как и приказчик.

– Еще пять лет назад в этом не было бы ничего необычного, – заметил Райан. – Но мода меняется. Разве вы не ожидали увидеть среди работников бородатых или хотя бы усатых людей?

Проходя мимо величественного собора Святого Павла, Беккер изо всех сил пытался догадаться, какой вывод хочет услышать от него Райан. Он напряг память и представил себе, как мастера склонялись над увеличительными стеклами, обрабатывая мельчайшие детали часового механизма.

– Волосы, – произнес он наконец.

– Это не такое уж и большое открытие, что борода и усы состоят из волос, – заметил Райан.

Беккер вспомнил, как приказчик протирает прилавки.

– Да, но крошечные волосинки, которые трудно заметить даже в лупу, могут попасть в часы во время сборки и нарушить работу сложного механизма. – Он улыбнулся, уже понимая, что нашел правильный ответ. – А фартуки из лощеной кожи Бенсон выбрал потому, что на ней хорошо видны пылинки, и их можно вытереть, прежде чем те попадут в часы.

– Я начинаю верить, что из вас получится отличный детектив, – сказал инспектор и тоже улыбнулся.

Улыбка Беккера сделалась еще шире, усталость как ветром сдуло. Они с Райаном двинулись дальше по Чипсайду, мимо птичьего рынка, и пронзительные крики запертых в клетки пернатых были слышны даже сквозь грохот транспорта.

Наконец они вышли на пересечение шести оглушающе-шумных улиц, напоминающих спицы гигантского колеса. На северной стороне площади стояли два величественных здания, возвышавшаяся над городом. Одно из них выглядело таким же огромным, как недавно отстроенная громада Парламента.

– Бывали здесь когда-нибудь? – спросил Райан.

Беккер с благоговейным страхом покачал головой:

– Ни разу. Приехав в Лондон, я устроился работать на кирпичный завод в Спиталфилдсе, и у меня не было времени на осмотр достопримечательностей. Потом я поступил на службу в полицию и сутки напролет патрулировал район Уоппинга. – Беккер разинув рот смотрел на внушительное зрелище шести пересекающихся улиц. – Никогда еще мне не доводилось видеть столько богато одетых людей в одном месте... и карет с гербами на дверях.

– Вы находитесь в центре Британской империи, – объявил Райан.

– В центре империи? А как же Букингемский дворец, Парламент и Уайтхолл?

– Правительства приходят и уходят. И монархи тоже. Я вовсе не проявляю непочтительности и не желаю зла королеве, – поспешно добавил Райан. – Но миром правят деньги, и когда речь заходит о богатстве, то нигде не найдется более могущественного места. Вот это монументальное строение с колоннами – Английский банк. А это, похожее на римскую базилику, – Королевская биржа, в которой застраховано каждое судно со всем своим грузом. А этот колосс рядом с ней принадлежит Ост-Индской компании. Вот где собираются истинные владыки империи, те, кто правит ею в гораздо большей степени, чем парламент или королева. Здесь объявляются войны и создаются колонии. А прямо перед нами – Ломбард-стрит.

Они подошли к лакированной кленовой двери каменного здания между конторами торговцев недвижимостью и биржевых маклеров. На сияющей медной пластине был выгравирован номер 42.

К ним тут же направился констебль, обративший внимание на двух мужчин в мешковатых костюмах в этом мире роскошных пальто и пиджаков.

– Мы детективы из Скотленд-Ярда, – представился Райан и показал свой жетон. – Расследуем убийство. Поскольку на этот район наши полномочия не распространяются, не могли бы вы проводить нас в этот дом?

– Пожалуй, мне лучше переговорить с моим сержантом.

– Если вы поможете нам найти убийцу, уверен, что сержант поощрит вас за самостоятельность.

Райан открыл дверь на ярко освещенную, убранную коврами лестницу. Они поднялись наверх и оказались в просторном коридоре. Каждую дверь украшали только сверкающие буквы: «А», «В» и «С» – по одну сторону, «D» и «Е» – по другую. Там, где должна была оказаться буква «F», дорогу преграждал пустой стол секретаря.

– Ни указателей внизу, ни фамилий на дверях, – шепнул Беккеру инспектор. – Хозяйства этих кабинетов настолько успешны, что им нет никакой необходимости называть свои имена.

Райан постучал в дверь с буквой «А», как и было сказано в адресе, который ему дали. Не получив ответа, он постучал еще раз.

– Чем я могу вам помочь? – послышался голос за их спинами.

Райан и Беккер обернулись. По коридору к ним шел изысканно одетый мужчина крайне худощавого телосложения, с тонкими губами и очками на кончике длинного носа.

– Нам сказали, что здесь находится контора мистера Дэниела Харкурта, – сказал инспектор.

– Так и есть, – ответил мужчина. Вероятно, вид Райана и Беккера не внушал ему доверия, поэтому он обратился к констеблю: – Я секретарь мистера Харкурта. Позвольте поинтересоваться целью вашего визита.

– Мы из Скотленд-Ярда, – объявил Райан, и они с Беккером показали свои жетоны.

– Здесь это не имеет значения.

– Дело касается убийства, – смущенно объяснил констебль.

– Убийства?

– Мистер Харкурт – мужчина приблизительно пятидесяти лет, среднего роста и плотного телосложения? – спросил Райан. – Лысый, с бородой, но без усов?

Ошеломленное лицо секретаря подсказало, что приметы верны.

– Бог мой, что с ним случилось?

– Нам нужно поговорить с его женой.

– Он не был женат. Но почему это так важно?

– Тогда, может быть, его родители еще здравствуют?

– Нет.

– Братья или сестры?

– У него были два брата, но оба умерли.

– Сожалею, но в таком случае нам придется обратиться к вам. Готовы ли вы вместе с нами отправиться в Вестминстерскую больницу и опознать труп мистера Харкурта?

– Опознать труп... – Лицо секретаря посерело, он тяжело вздохнул. – Спаси его, Господи. Да, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь... Меня весь день мучили дурные предчувствия. У мистера Харкурта были назначены на сегодня важные встречи, но он не приехал в контору. А это не те клиенты, которых разумно заставлять ждать.

Райан взялся за ручку двери.

– Ничего не получится, – сообщил секретарь. – Уходя, мистер Харкурт всегда закрывает кабинет на ключ.

– Так откройте его, пожалуйста.

– Не могу. Единственный ключ мистер Харкурт носит с собой.

– Но при нем ключа не оказалось, – заметил Райан.

Повинуясь внезапному порыву, он дернул за ручку, и дверь распахнулась настежь. Секретарь охнул от изумления.

– Вы даже не проверили, заперт ли кабинет? – спросил Райан.

– Мне это и в голову не пришло, – ошеломленно пробормотал секретарь.

Из темного кабинета с массивным столом и роскошным восточным ковром дохнуло холодом. Беккер подошел к окну и отдернул занавеску, теперь стали видны и другие детали интерьера: два марокканских кресла, глобус на поставке и пейзаж, изображающий развалины аббатства на берегу ручья. Райан не сомневался, что картина написана известным художником.

– А кем был мистер Харкурт по профессии? – спросил секретаря Беккер.

– Э-э-э... – Секретарь снял очки, и глаза под ними оказались совсем маленькими. – Он был адвокатом.

– Барристером? – предположил Райан.

Барристеры имели право выступать в суде.

– Нет, солиситором.

– И его контора находится на такой престижной улице? – удивился Райан.

Солиситоры стояли ниже барристеров. Они в основном занимались бумажной работой: составляли завещания, договоры, оформляли кредиты.

– Мистер Харкурт был необычным солиситором, – ответил секретарь.

– Прошу вас, поясните.

– Я не могу нарушить конфиденциальность. Разрешите мне переговорить с одним из коллег мистера Харкурта и выяснить, какова в этом случае моя ответственность перед законом.

– Конечно.

Однако секретарь не двинулся с места, с подозрением наблюдая за тем, как Райан расхаживает по кабинету, подмечая детали обстановки.

– Здесь что-то не так, – заявил вдруг секретарь.

– Простите, что?

Он указал на дубовый комод в углу.

– Мистер Харкурт держал в нем самые важные бумаги.

– И что вас встревожило? – спросил Беккер.

– Дагеротип в рамке.

– Прекрасное изображение ее величества.

– Подарок одного из клиентов мистера Харкурта, – со значительным видом объяснил секретарь. – Но он стоит слишком близко к краю комода. – Он подошел и передвинул рамку. – По утрам солнечный свет падает прямо на комод, и мистера Харкурта предупредили, что это может повредить дагеротип. «Мы не допустим, чтобы изображение ее величества выцвело», – сказал мне мистер Харкурт и отодвинул его дальше к стене.

Райан выдвинул один из ящиков.

– Но комод тоже должен быть заперт! – воскликнул секретарь.

Инспектор выдвинул следующий ящик: папки с именами были разложены в строгом алфавитном порядке. Райана удивило, как много пэров и членов парламента оказались клиентами Харкурта, но он постарался сохранить безразличное выражение лица, читая имена самых влиятельных людей Лондона.

Одно из них особенно поразило его: Генри Джон Темпл. Так звали лорда Палмерстона.

– Я все же вынужден настоять на том, чтобы проконсультироваться у коллег мистера Харкурта, – вмешался секретарь, закрывая ладонью документы.

– Вы можете определить, не пропало ли отсюда что-нибудь? – поинтересовался инспектор.

– Нет, мистер Харкурт держал каталог у себя.

Секретарь задвинул ящики в комод, и Райан переключил внимание на обстановку кабинета. Он прошел вдоль дальнего края стола к подставке с глобусом, затем резко развернулся, отодвинул вращающийся стул и вытащил из-под стола корзину для мусора.

– Мистер Харкурт прячет ее там, чтобы клиенты не подумали, будто в его кабинете царит, как он выражался, кавардак, – объяснил секретарь.

– Когда вы видели своего хозяина в последний раз?

– Вчера вечером, около семи. Он сказал, что хочет еще просмотреть кое-какие документы и я ему больше не нужен.

Райан вытащил из корзины смятый лист бумаги.

Секретарь нахмурился.

– Должно быть, мистер Харкурт бросил его туда уже после разговора со мной. В шесть часов вечера все ненужные бумаги были собраны и сожжены.

– Вы знаете некоего Джона Солтрема? – спросил инспектор.

– Кого?

– Джон Солтрем. Так написано на этой бумаге. – Райан протянул секретарю листок. – Это почерк мистера Харкурта?

– Нет, и я никогда не слышал это имя. Не нарушая конфиденциальности, могу сказать, что это определенно не наш клиент.

– Джон Солтрем? – заинтересовался Беккер.

Инспектор обернулся к нему.

– Это имя что-то вам говорит?

– Возможно. – Беккер подошел ближе и шепнул Райану на ухо: – Может быть, это другой человек, но Джон Солтрем служил констеблем в те времена, когда я патрулировал улицы Ист-Энда.

– Найдите его, – распорядился Райан.

Название Ист-Энд лишь недавно стало синонимом худшей части Лондона. Четырьмя годами ранее, в 1851-м, была издана книга журналиста Генри Мейхью «Лондонские работы и лондонская беднота» об ужасных условиях жизни в Ист-Энде, и это слово вошло в обиход. Для состоятельных людей из таких респектабельных районов, как Мейфэр или Белгравия, Ист-Энд казался не другой частью Лондона, а другой частью мира, его грязь и болезни были от них так же далеки, как самые страшные уголки Индии и других восточных владений империи.

Но Беккер, пять лет патрулировавший улицы Уоппинга в Ист-Энде, был хорошо знаком со всеми его ужасами, и сейчас ему казалось, будто бы он возвращается домой. Правда, воспоминания об убийствах, случившихся здесь в прошлом декабре, делали это возвращение не очень радостным.

Некоторые здания Уоппинга можно было назвать старейшими в городе, часть из них пережила даже Великий лондонский пожар, бушевавший двумя столетиями ранее. Покосившиеся стены и просевшие крыши давали приют десяткам несчастных. Запах был таким же отвратительным, как и грязь на булыжной мостовой. Убогие, оборванные существа жались к дверям и узким переулкам. Смешанный с дымом туман казался еще гуще и темнее в лучах заходящего солнца.

Из-за скрытого в тумане поворота появился чей-то силуэт, и Беккер приготовился к неприятностям. Где-нибудь в другом месте его одежда выглядела бы весьма скромной, но здесь превращалась в желанную добычу.

Силуэт, как выяснилось, принадлежал констеблю. Он придирчиво изучил Беккера в тусклом свете, словно пытаясь понять, что здесь может делать человек, не одетый в лохмотья.

– Ты вернулся сюда, чтобы немного поразбойничать, да? – усмехнулся констебль. – Не думал, что снова увижу твою гнусную морду.

– Это ты, Эванс?

Они рассмеялись и пожали друг другу руки.

– Я тоже не думал, что когда-нибудь снова увижу твою отвратительную физиономию, – сказал Беккер.

– Без формы тебя и не узнать. Ты пришел покуражиться над нами, да? Каково это, быть детективом?

– Если бы я знал. Пройдет немало времени, прежде чем я узнаю достаточно, чтобы почувствовать себя настоящим детективом.

– Думаю, только служебные дела могли завести тебя в это проклятое место, – предположил Эванс.

– Я иду в полицейский участок. – Сержант затопал каблуками по грязным камням, чтобы ноги не окоченели, как частенько поступал прежде, когда патрулировал в этом районе. – Мне нужно переговорить с одним констеблем. Может быть, ты помнишь его имя по утренним перекличкам? Джон Солтрем.

– Помню. Но не возьму в толк, зачем он тебе понадобился. – Судя по выражению его лица, Эванс был не прочь посплетничать. Беккер пожал плечами. – Становишься скрытным, как сам дьявол, да? Ну да ладно. Я избавлю тебя от прогулки до участка. Солтрем оставил службу.

– Оставил... Когда это случилось?

– Вскоре после того, как тебя повысили. В штаб-квартире ему выдали разрешение жениться, и невеста Солтрема, прачка с большими запросами, убедила его, что такой опытный констебль может стать успешным частным детективом.

Эванс выделил голосом последние два слова. Тремя годами ранее частных детективов в Англии практически не было. Но все изменилось в 1852 году, когда самый известный лондонский сыщик, инспектор Чарли Филд, подал в отставку и основал частное сыскное бюро. Поговаривали, что именно он стал прототипом загадочного инспектора Баккета из романа Чарльза Диккенса «Холодный дом». Филд предложил клиентам конфиденциальные сыскные услуги, которые не могла оказать полиция.

– Оказалось, что у жены Солтрема не только запросы, но и неплохая голова на плечах, – продолжал Эванс. – Она велела ему оправиться туда, где крутятся большие деньги, и поискать работу у адвокатов из Сити.

– У адвокатов?

Сержанту с трудом удавалось сохранить спокойствие.

– Похоже, у него получилось, – добавил Эванс. – Я слышал, что дела Солтрема пошли на лад и он сменил квартиру. Может быть, мне тоже стоит податься в частные детективы и сбежать из этого забытого Богом района.

– Ты не знаешь, где теперь живет Солтрем? – спросил Беккер.

– Он хвастал, что перебрался в Саутворк.

Саутворк располагался к югу от Темзы. Рабочий район со знаменитым собором и еженедельными ярмарками не производил такого безысходного впечатления, как Ист-Энд.

Беккер перешел через Лондонский мост, окутанный морозным туманом.

Дожевав последний из трех черствых бисквитов, купленных в кондитерской, которая уже закрывалась, он совсем было решил уступить собственной усталости и отправиться в полицейское общежитие, а поиски отложить на завтра.

«Но что бы сделал на моем месте Райан?» – спросил он себя.

На Веллингтон-стрит, возле станции «Лондон-бридж», он повстречал констебля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.